

**НИКОЛАЙ
ЯРОСЛАВЦЕВ**

**ВОЖДЬ
ИЗ СУМЕРЕК 2**

Вождь из сумерек

Николай Ярославцев

Вождь из сумерек. Книга 2

«Э.РА»

2015

Ярославцев Н.

Вождь из сумерек. Книга 2 / Н. Ярославцев — «Э.РА»,
2015 — (Вождь из сумерек)

Представляю вторую книгу из серии «Вождь из Сумерек». Победа в сражении еще ничего не значит. Враг не известен. Укрывище его остается тайной. А значит, война продолжается. И вождь Слав собирается в новый поход. К горам. На землю орков. К замку принца Дельбара, полагая, что именно там подсказка. А дальше: пещеры – владения гномов. С их ужасами, драконами, огненными червями и прочим, прочим. Новые друзья. И новые враги. А, значит, меча из рук не выпускай... В общем, со всем, что делает их походы запоминающимися. И вперед, к неведомому!

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	30
Глава 4	43
Глава 5	56
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Николай Ярославцев

Вождь из сумерек. Книга 2

© Н. Ярославцев 2015

* * *

Глава 1

На том месте, где еще несколько дней назад чернел угрюмый лес, все еще горела и пучилась земля, шевелились обугленные останки монстров и пахло гарью. Ветер разносил на много верст дым, пепел и смрад.

Зорень, как и велел Стас, оставил заставы и отвел полки на десяток верст от берега. Но каждый день по одному и группами на берегу, вопреки всем запретам, появлялись всадники из разных полков. Стояли, молча глядя на мертвую бескрайнюю пустыню, и так же молча возвращались в лагерь.

Тихо было и в лагере. Не слышалось громких голосов и звона оружия. Даже лошадей сбили в косяки и отогнали от лагеря на несколько верст, поручив заботу о них коноводам.

Да и сам лагерь армии славов раскинулся на много верст вдоль реки.

Шатер для Стаса поставили в самом центре лагеря. День и ночь вокруг стояла охрана из верных волчат.

А у самого входа в шатер несла службу его стая. И Лобастый, который почти не показывался на улицу, дни и ночи проводя в шатре вождя.

Не выходил из шатра и Стас.

Так продолжалось день, два...

Приходил Зорень. Смотрел внимательным взглядом на Войтика. Тот в ответ качал головой и смущенно отводил в сторону глаза. И Зорень без слов возвращался в свой шатер, где его уже поджидали Леха, Толян и Груздень.

Иногда через заслон пытался прорваться, уповая на старую дружбу, Леха. Но и он возвращался ни с чем, кляня на чем свет стоит и прохвоста Войтика, и серых родичей. И всех, кто попадался под его горячую руку. Тогда призывали на помощь Купаву. Но и ей не удавалось пробиться через кордоны.

Несколько раз видели, как шатер вождя озарял нестерпимо яркий свет. И тогда через плотную ткань волчата видели его неподвижный силуэт.

Так прошла неделя.

На восьмой день вождь вышел из шатра. С черной повязкой на глазах. И обнаженный до пояса.

– Войтик!

Негромкий, но властный и, как всегда, насмешливый голос вождя выкинул Войтика из его палатки, которую он делил с Веселином.

– Я здесь, командир! – рявкнул он веселым голосом, услышав знакомые нотки в голосе Стаса.

– Неси мои мечи, постучим... Засиделся.

Войтик растерялся и обескуражено посмотрел на Веселина, но тот в ответ только пожал плечами.

– И не ищи поддержки у Веселина. Веселин, марш за мечами. И чтобы подошвы горели!

У ног вождя появился Лобастый.

– А тебе спать, Старый.

Волк поднял на него угрюмый взгляд. Сверкнули тусклым огнем желтые глаза. Фыркнул, что-то беззлобно проворчал и скрылся в шатре, оставив у откинутого полога нескольких молодых волков.

Вернулся Веселин и неуверенно протянул перевязь с мечами, стараясь угадать рукоятью в ладонь.

Тесня волчат, со всех сторон торопились вои на голос вождя.

– Веселин... – Стас укоризненно покачал головой. – Уж рукоять меча я и с закрытыми глазами отыщу, как и твои уши.

Заслышав его голос, появились Зорень и воеводы.

Леха с Толяном, игнорируя присутствие стаи и прорвав заслон, кинулись к Стасу. Сдавили с двух сторон...

– Налетели, обмызгали, обслюнявили! – смутился Стас.

Купава, расталкивая всех, повисла на шее.

Опустились руки с мечами.

Груздень с Зоренем не могут пробиться к нему через пыхтящий и сопящий клубок висящих на нем тел. Улыбаются всегда сдержанные эльфы.

Толян пыхтит в ухо. Лопочет что-то нечленораздельное. Купава тычется губами в ухо.

– Леха, ты же суровый опер, а не студентка! – Стас попытался высвободиться из их рук. – Хорошо, Толян... Тонкая, ранимая душа, под завязку сентиментальная. Или Купава. Ума, как у старшеклассницы. Но ты-то! Люди смотрят, отпусти.

– Иди ты к черту! – огрызнулся Леха. – Вечно у тебя все не как у людей. Не забор, так золотуха...

Высвободился, взмахнул мечами. Раз, другой... Засвистели, запели в его руках клинки.

– Готов, Войтик? Держи! – И с места начал атаку. – У тебя есть возможность посчитаться со мной. Веселин, а ты почему не хочешь помочь другу и начальнику? Поспеш, а то опоздаешь. Самое вкусное мимо рта проскочит.

Войтик действовал неуверенно. Может, боялся задеть случайно командира, глаза которого закрывала черная непроницаемая повязка. А, может, сам боялся попасть под случайный удар его меча.

– Войтик!

Злой, оскорбленный голос заставил его двигаться быстрее. А скоро стремительные и, как прежде, опасные атаки вождя заставили его забыть про черную повязку.

А Стас все увеличивал и увеличивал темп.

Потерял один меч Веселин.

– Хруст, Свист! Спасайте друзей...

Голос свежий, бодрый, ироничный.

И зрителям уже не верилось, что глаза вождя скрыты под повязкой. Его мечи легко останавливали атаку противников, ловко находили щель в обороне и безошибочно разили, используя самую крохотную оплошность волчат. Даже вчетвером они с трудом сдерживали его натиск.

– Войтик, рассержусь! – слышали они его злой голос.

Запели мечи, образовав сияющую сферу. И Стас пропал из виду. Пропал всего на мгновение. Но этого хватило, чтобы обезоружить всех четверых.

Упали вниз мечи.

Войтик сконфуженно смотрел на свои ручищи. Веселин растерянно улыбался, а Хруст и Свист, переглядывались, боясь смотреть по сторонам.

– Веселин, мальчик мой, одолжи на минутку свои ножи, – попросил он, повернув голову в сторону одинокого дерева, стоящего в двух десятках шагов.

Веселин покраснел, поискал глазами Зорень и нехотя протянул ему перевязь с ножами.

Ножи вычертили в воздухе сверкающую дорожку в сторону дерева и с глухим стуком, один за другим, вонзились в ствол.

– Вот, теперь все... – удовлетворенно качнул головой Стас и уверенно направился к шатру, откуда уже показалась голова Лобастого. – Войтик, Веселин... на рассвете с лошадьми здесь. Темный, не смотри на меня обиженными глазами. Ты тоже. Зорень и воеводы, прошу ко мне. Купава, сообрази что-нибудь на стол.

Бой, разыгравшийся перед их глазами, настолько ошеломил, что они словно онемели. Невозможно было поверить, что мечами управляли руки слепого человека.

Молча шагали вслед за ним в шатер, со священным ужасом глядя в его спину.

– Стас, скажи, как это у тебя получилось? – Прошептал в ухо Леха.

– Леха, отцепись, – так же тихо ответил Стас. – Я не вижу. Я просто знаю. Или нет. Мне это так же трудно объяснить, как тебе понять.

Остановился у стола, около которого суетились Купава с Веселином.

– Разливай, Леша. Мы еще не пили, кажется, за победу. Пусть частную, но все-таки победу. И сам бог велел за это пропустить рюмашку.

– Твою победу, Стас. – Перебил его Алексей.

– Нашу победу, Леша, нашу... И не спорь. Я начальник, я лучше знаю, – возразил Стас. – Все мы немало потрудились для нее. А то, что не получилось регулярного сражения, не беда. Зато у нас есть сейчас армия. Небольшая, добротная и мобильная армия. За вас, ребятаки...

– За тебя, вождь!

– Слав, твое здоровье...

На некоторое время в шатре установилась тишина, прерываемая звуками, тишина, которая сопровождает мужское застолье.

– Кстати, об армии, раз уж мы заговорили о ней. Груздень, чтобы не разрушать сложившийся порядок, принимай командование. Леша, тебе все десять полков центра с копейщиками Хмурого.

Брови у Лехи поползли вверх, под отросший чуб.

– По фронту не растягивай. Все равно не сумеешь закрыть все направления. Эшелонируй по глубине ударными группами. – Помолчал, ожидая вопросов и, не дождавшись, продолжил. – Хруст и Свист, вам полки левой и правой руки.

Оба молодые воеводы вскочили с лавок, едва не опрокинув их.

– Казарские полки поделите между собой поровну. И выбросьте разъезды до реки. Возьмите под наблюдение мост и противоположный берег. Правый фланг развернете к северу. Установите устойчивую связь с Третьяком. Пора им уже поставить на место беспокойных ярлов. Зорень, ты остаешься на хозяйстве...

– А ты, командир? – после короткого молчания задал висевший в воздухе вопрос Толян.

– В самом деле, Слав...

– А, позвольте вас спросить, судари мои, где вы научились этой скверной привычке перебивать командира совершенно нескромными вопросами? – насмешливо ответил вопросом на вопрос Стас.

– Не темни, Стас.

Кроме Лехи на такое свинство вряд ли кто мог решиться, потому как все еще переживали свалившиеся на них повышения.

– А мне, дорогой мой напарник и губернатор трех провинций, пришла мысль в голову – прогуляться в горы для восстановления резко пошатнувшегося в кровопролитных боях здоровья. К тому же домик проверить надо. Время, сам знаешь, лихое... В окно залезут, напалят, стаканы перебьют.

– Не фига себе прикол!

– Фи, Толян! В приличном обществе! В присутствии трех монарших особ!

– Не вешай лапшу на уши, командир. Опять задумал для себя веселуху.

– В самом деле, Слав, – рассудительно вмешался Зорень, – я, да и другие тоже, хотели бы услышать, куда ты собрался на этот раз.

– Не терплю незавершенки! – скупой ответил Стас, берясь рукой за чарку.

– Какая незавершенка? О чем ты говоришь? На том берегу земля гореть еще год будет. Наши вои в ту сторону даже глядеть бояться! – вскочил на ноги Леха, всем своим видом выра-

жая беспредельное возмущение. – Пыль до неба висит. И когда осядет, даже Роду не известно. Вселенский катаклизм! А ты говоришь, незавершенка?! Экологи с соседних планет скоро протестами завалят!

Около ноги Стаса поднялся Лобастый. Шерсть на загривке встала дыбом. Сверкнули клыки.

Стас вздохнул, потрепал, успокаивая, волка по загривку.

– Ребятки, помните, мы обвиняли во всех мыслимых и немыслимых грехах темных эльфов? Вешали на них без разбору всех собак. Проклинали орков. А черноглазых считали...

– Грельфов? – поднял голову от стола принц Бодрен.

– Грельфов, крельгов... рельгов. Одним словом, черноглазых. Так вот, мы их считали продуктом производства темных эльфов. Или чем-то вроде того. Принц Дельбар напрочь отверг все обвинения по этому поводу. И не верить ему я не могу. Помнишь, Леша, я тебе как-то говорил о квартирьерах? Тебе и Толяну. Груздень, ты, помнится, тоже присутствовал при этом разговоре.

– Это те, кто нас, как тараканов, собрался выводить? После разговора с дохлой головой?

– Вот именно! Как тараканов...

– И ты считаешь, Слав, что за всем этим стоят черноглазые?

– Да, будем для удобства называть их так, именно они. Они добросовестно выращивали доргов, или, если хотите, древолюдей, превратив их в чудовищных монстров. Приобщили к лесничеству орков и пленных славов. Они закрылись «щитами» от светлых эльфов, чтобы без помех подготовиться к переезду. Или их прикрыли. И я могу говорить об этом утвердительно...

– Поясни, Слав, – попросил Бодрен, переглянувшись с Рэдом.

– Все предельно просто, дорогой мой принц. Твоего брата нет в горах, а «щиты» висят до сих пор. Способен он на такое за тысячи верст? Без камня? Да у него и с камнем бы не получилось! И на кой черт ему это надо, если он уже за тридевять земель?

Принц, пытаясь возразить, открыл рот, но Стас не позволил перебить себя.

– Бодрен, говорю потому, что сам проверил. Но и тем черноглазым, которые путаются под нашими ногами, которые вертятся перед нашим носом, это дело тоже не под силу. Кишка тонка! У нашего Рэда силенок было не меньше. Значит...

– Значит, есть кто-то, у кого этих силенок больше?

– И кто прячется в горах! Кого мы еще не разу не видели! Признайся, Рэд, Забытая дорога была не вашей? Нырнули в первую попавшуюся? – выждал короткую паузу, давая эльфу прийти в себя от смущения. – Если не хочешь, можешь не отвечать.

– Так ты думаешь, Слав...

– А тут и думать нечего! Командир прав. Сначала те пришли, а потом уж вы чисто-светло заскочили в первую попавшуюся лазейку. Реально. Я когда-то сам так шмыгнул в дыру, делая ноги от командира. – Толян не мог позволить себе остаться в стороне.

– Но почему дорога не может быть нашей? – обиженно спросил Рэдэльф, нахмутив брови.

– Не дуй губы, мой добрый эльф. Все предельно просто. Только без обиды. Цивилизация иного уровня. Ментальность другая, если хотите.

Для убедительности постучал указательным пальцем по виску.

– И сфера над Забытой дорогой, и центр управления, и даже система самоуничтожения принадлежит совершенно иной технологической культуре. А то, чем вы саданули в мой бок? Колечко твое эксклюзив, не спорю. Но не та в нем сила, чтобы такую дыру проколупать. Кстати, проверь его.

Рэдэльф вскинул на него испуганный взгляд и потянулся к кольцу.

– Весьма возможно, что оно уже не более, чем украшение. Вы же просто научились Забытую дорогу использовать.

– Ты прав, Слав. И не прав. – Рэдэльф задумчиво крутил свое кольцо на пальце. – Забытые дороги в самом деле наши. Предки наши владели могучей магией, которую мы со временем утратили. И для создания, строительства этих дорог им не нужны были, как ты говоришь, какие-то технологии. Но потому они и Забытые... Наверное, кто-то сумел их найти. И появились эти сферы, эти залы...

– Убедительно, – согласился Стас. – Объяснение принимается.

Помолчал, переосмысливая слова эльфа.

– Это только лишний раз говорит о том, что ребята сообразительные. Если не только разобрались в вашей магии, но и сумели модернизировать ваши дороги. Но продолжим... Это не темные эльфы, это они использовали доргов для замены атмосферы. И оркам, и, тем более, доргам освещенность до лампочки. У них против небесного светила возражений нет. А претензий к нему еще меньше. Кстати, Зорень... или ты, Груздень, разошли во все стороны разъезды по десятку воев на те направления, где встречались их шайки. Сдается мне, что они разносили рассаду, желая поторопить события. Как бы снова лесок не появился. Надо прополоть... К тому же мне пришла мысль в голову, что эти самые дорги против нас тоже совсем ничего не имели. Тесно им стало в этом садочке, вот и рванули, куда глаза глядят – осваивать новые жизненные пространства. А мы на дороге оказались по случаю.

Груздень кивнул головой, но спохватился и ответил:

– Сделаю, командир.

– Вот и славно. И не смущайся. Все, что нужно, я вижу. Или понимаю. Ощущаю, одним словом.

Помолчали. Потянулись к чаркам.

– Убедительно, – согласился с доводами Леха, опрокидывая чарку. – Но не убедительно то, что сам лезешь через реку.

– Сам посуди, что мне здесь делать? Сколько времени будет пыль висеть, ты сказал? Все при деле, один я бездельничаю. Вот! А я быстренько-скоренько туда сметаюсь. И обратно. Погода хорошая. Опять же, домишко надо посмотреть. Боюсь, как бы добро не растащили, собирай потом. Еще и в углу нагадят... А отдадут ли? Заодно и посмотрю, нет ли у них еще одной дорожки забытой. Или припрятанной... Уж как-то слишком легко и просто они отдали свою дорогу нашим друзьям эльфам.

Стас снова перешел на шутливый тон, воспользовавшись тем, что его соратники все еще не могли прийти в себя после свалившихся на их средневековые головы знаний.

– А, что пацаны? Меня уже плющит. Супер. Еще та фишка будет! Командир, я с тобой. Ты же не захочешь, чтобы меня Леха, прикинь, судил за дезертирство? Чисто по дружески.

– Погоди, Толян, – Зорень от неожиданности проглотил «пацанов», не морщась. – Поход займет у тебя не один месяц...

– А ты зачем? Я же сказал, принимай хозяйство.

– Но, Слав...

– Нет, брат Зорень. Не уговаривай. С собой не возьму. Кому-то из нас нужно все равно оставаться. Я уже говорил, что Пивень – это хорошо. Но статус не тот!

Зорень, припомнив смысл мудреного слова, ухватился, как за спасительную соломинку.

– У него, этого твоего статуса, на два рыла хватит, а что не хватит, кулаком дополнит... Но я не об этом хотел, Слав.

Толян, поняв, что вождю не до него, хорошо бы от Зореня отмазаться, повернулся ко Груздню, все еще не оправившегося от груза свалившихся на него обязанностей.

– Груздик, кому сбегать тысячу? – И весело подмигнул разведчику. – Войтик, снова вместе.

Принц Бодрен наклонился к Стасу.

– А мне, брат Слав, не откажешь?

– Нет, Бодрен, не откажу, сам хотел тебя просить пойти со мной.

– И Рэд?

– И Рэд, – согласился Стас. – А тебе, Зорень, хозяйство. И не морщись, как от зубной боли. Скучать тебе тоже не придется. Поторопи нашего волхва с ополчением. Пошли ему в помощь Мину с десятком волчат. Для представительности. Подстегни вольные города. Где обещанные доспехи? Где торговые караваны в неведомые страны? Можешь даже Свиста на денек направить для пользы дела. Ему не откажут. Он умеет, сам знаешь, найти весомые аргументы. Если соседям погрозишь кулаком Хруста, тоже неплохо будет. Хотя, что я тебе говорю? Ты все лучше меня знаешь. А мне подорванное здоровье поправить надо на горном курорте. Алексей уже один раз советовал, а я не прислушался. Пренебрег советом верного друга. И видите, к чему это привело?

– Не передергивай!

– О как! А не ты ли советовал кого-нибудь за попку ущипнуть для улучшения самочувствия? – Стас повернул голову на голос, и Лехе показалось, что через глухую повязку смотрят на него, как прежде, насмешливые глаза напарника. – Путевку в санаторий попросить. Побездельничать полгода.

– Купава рядом! Щипай, сколько душе угодно. Не откажет. Еще и сама подставит. И, может быть, даже на шею кинется с горячими поцелуями. А там еще неизвестно, найдешь или нет... – сердито огрызнулся Леха, искоса поглядывая в сторону девушки. – А вот приключений на свою собственную... наскребешь уж точно.

Купава брызнула в его сторону карими глазами, презрительно фыркнула и повернулась к Стасу.

– Ну, не при людях же. – На губах Стаса появилась насмешливая улыбка. – Если ты тут же хочешь воспользоваться советом нашего лучшего друга.

Зорень поскуцнел. Опустив голову, задумался.

Словно издалека, донесся до него голос Стаса.

– Тебе, побратим, лучше обосноваться в Волчке. Впрочем, решай сам. Навязывать не хочу... Трудно будет, позови.

Зорень поднял голову.

Губы вождя неподвижны. А голос бьется в мозг.

– Я найду возможность, как услышать тебя.

И повернулся к мрачному Груздню.

– Берите пример с нашего главного воеводы. Со всем согласен. Сидит и думает, как лучше исполнить приказ.

– Во, вилы, командир! – Груздень в точности повторил жест Толяна. – Уж лучше снова в десятники к Серду, если с тобой нельзя.

– И не мечтай! – отрезал Стас. – А будешь ныть, я еще и не то придумаю для тебя. Хотя, совсем упустил из виду. Пора бы тебе, брат Груздень, засучив рукава, взяться за Казарские земли. Не хочу, чтобы нас вспоминали недобрыми словами. А может быть, даже матерными. К тому же, и там люди живут. Поставь гарнизоны... Не мы, так другие воспользуются благоприятной ситуацией. И начни с того, что осталось от Казторана. Почисти дороги к теплому морю. Поручи все это хотя бы Серду. Отдохнул, силушки поднакопил. И учти, это пока только начало. Правда, Серд? И на обиды времени не будет.

Груздень дернулся, как от удара плетью. Выкатил на него дурные глаза. Открыл было рот... Но Стас предупредил его возражения.

– Нет, нет, побратим. Не волнуйся. Командование нашей армией остается за тобой, – и, коротким движением руки указав на Леху. – И вообще, посмотри на Алексея. Сидит и помалкивает в тряпочку, хотя в душе кроет меня самыми черными словами. Наскрозь непристойными.

– А ты не подслушивай!

– Так и ты лучше думай о том, как удачно складывается твоя карьера. Был заурядный мент. Опер... К тому же не в фаворе у начальства. А со мной, оглянуться не успел, уже и наместник, и командир корпуса, можно сказать, с генеральскими погонами. А все ворчишь. Кстати, и Витень, и Сулич остаются за тобой. И прочая, и прочая, и прочая... Так что не рас-слабляйся.

Но не таков был Леха, чтобы молча проглотить пилюлю.

– Спасибо, милостивец! Спасибо, отец родной! Век помнить буду твою заботу о моем карьерном росте. Значит, Толяну можно, а мне... служи, боец.

Стас весело рассмеялся.

– Да чего там! Сколько угодно. Для друзей не жалко. А знаешь, какая разница между тобой и Толяном? На Толяна ворчу я, а с тобой всегда наоборот. – И жутко удивился. – А почему не пьем и не закусываем? Купава, опять пересолила? Веселин, где Войтик? Почему нет начальника разведки?

– Так утром же выходим! – изумился Веселин, поражаясь его забывчивости. – Ушел уже.

Стас понятиво покачал головой.

– Везучий, дьявол! – с завистью пробормотал Груздень и с надеждой повернулся к Стасу. – Командир, а может, не будем ждать, пока орки на нас навалятся? Ну их бесу. Ударим первыми...

Стас замотал головой.

– И не думай, Груздень. По численности они превосходят нас раз в десять. А может, и того больше. Мне в прошлый визит считать было некогда. Одним куражом такую армию не возьмешь. Но не это главное. Не хуже меня знаешь, что прежде нужно узнать где, чего и сколько. Броды, переправы. Плавсредства... А мне делать нечего будет во время прогулки. Вот я и посмотрю. Хорошо бы без войны обойтись. Дел много, и на глупости времени нет.

– Командир прав, Груздень, – хмуро поддержал Стаса Зорень. – Если, и правда, на той стороне есть кто-то, кого мы еще не видели, то он, как и Слав доргов, нас даже до реки не допустит...

– Размажет по берегу, – согласился Толян, совсем неучтиво перебив Зореня.

– Или командир их... – Груздень не собирался уступать.

– А мы опять рядом постоим? Или за его спину спрячемся? Слуга покорный! Не ерпенься, Груздень. Командир, как всегда, прав, – хмуро проворчал Леха, берясь за чарку. – Пусть прогуляется, если ему втемяшилось в голову. Грусть-тоску развеет. Посошок на дорожку?

– Хоть одна свежая мысль за весь вечер...

Помолчали.

– Стас, и все-таки, что ты думаешь по этому поводу?

Стас ответил не сразу. Долго крутил чарку между пальцами, о чем-то думая, что-то прикидывая.

– Не знаю, Леша. Я же простой советский офицер. И подобные эмпиреи не для моего ума. Я кое-что понимаю в физике, астрономии... Но в этом? Нужны лаборатории, дорогостоящие и многосложные анализы. Я уже говорил, что мы столкнулись с цивилизацией, шагающей иным, отличным от нас путем.

– И все-таки... Только не прикидывайся сироткой. Слава богу, за годы работы с тобой я хорошо узнал, что за штука от ружья Станислав Волков. И что он умеет.

– Ну, хорошо. Но все это только догадки. Это могут быть генные мутации. Или вирусы. При чем не сами по себе.

– Но это же...

– Вот именно. Только догадки.

– Или загадки.

– Может быть, все может быть. И оставим эту тему. Не люблю гадать на кофейной гуще. Поживем, увидим.

Глава 2

Стаса разбудило ржание лошадей и сдержанный рокот Войтика. Накинул черную повязку на глаза, сунул ноги в мокасины.

– Все царство небесное проспишь, барышня. Проснись, красавица, проснись... – шутливо продекламировал он нараспев застрявшие со школьной поры в памяти строчки.

С легким шелестом полетела прочь легкая меховая накидка, и Купава, бодрая и свежая, легко прыгнула на ноги. Пахнуло теплом женского тела. И Стас, в который уж раз, пожалел, что навсегда лишен возможности видеть это юное, налитое молодой силой и жадной женской прелестью, тело. Неистовое в бою и ненасытное в любви.

Опустил голову, прислушался к шороху одежды и едва слышному звону оружия.

– Я готова, мой вождь...

– Купава... – с укоризной выговорил Стас.

– Прости, Слав, – виновато отозвалась Купава. Провела мягкой ладонью по щеке, коснулась ее губами. – Но для меня это, как имя. Больше чем имя.

Стас прижал ее к себе, как ребенка, погладил по спине.

– Сейчас бы чашечку кофе и сигарету, – с легким вздохом подумал он и отстранил от себя притихшую от неожиданной ласки девушку.

Лобастый хмуро поглядывал на них своими желтыми немигающими глазами от полога шатра и глухо ворчал, выражая тем самым явное осуждение.

– Не ревнуй, Старый. Я тебя тоже люблю.

За пологом уже слышны голоса воевод.

– Славной охоты и нам всем, Старый. Веди стаю. – И наклоняясь к волку, дунул в ноздри и опустил ладонь на широкую тяжелую голову. – А то, может, здесь остаться хочешь? Тепло и сытно.

Волк сердито шелкнул зубами и мотнул головой, высвобождаясь из под его руки.

– Ну, то-то же... – удовлетворенно проговорил Стас и негромко, но властно рыкнул в волчье ухо.

Лобастый одним прыжком вылетел из шатра, замер на широко расставленных ногах, низко опустив голову и обводя суровым взглядом стаю. Вздернул верхнюю губу, обнажив крепкие белые зубы и, не издав ни звука, неторопливой рысью направился прочь от шатра. Стая гуськом потянулась вслед за ним.

Груздень, тяжелый, как скала, проводил их завистливым взглядом и со вздохом повернулся туда, где лежал разрушенный им Казторан.

Леха, злой и хмурый, исподлобья смотрел на Стаса и счастливую Купаву.

Зорень, забыв о коняжеском чине, по-мужицки скреб в собственной потылице.

Войтик озабоченно поглядывал на восток, где уже нагло и бесстыже выглядывал из-за леса краешек солнца.

Веселин шурился на солнце и щедро всем улыбался.

Толян уютно и вальяжно развалился в седле, как на сидении забытого «Джипаря» и старался не встречаться взглядом с Грузднем, явно обиженным за его новую измену. Без сожаления променял Толян и «Джипарь», и шикарную косуху, и дорожные джинсы на волю вольную и средневековое счастье в моднявой волчовке. Только тяжеленный «голтык» на шее да увесистая «гайка» на пальце остались от прежней жизни. Подрагивают от нетерпения ноздри, впитывая утренние запахи. Жадно горят глаза, останавливаясь на дороге, убегающей к реке... И каблуки вот-вот готовы ахнуть в лошадиные бока, посылая его с места в галоп.

– Не спится, господа мои? – улыбнулся Стас. – И то верно. Кто рано встает, тому бог дает...

Яркая вспышка за спиной заставила его остановиться на полуслове. Шагнул в сторону, обернулся. Шатер, из которого они вышли минутой раньше, вспыхнул. Пламя взметнулось вверх и упало, рассыпавшись по земле в горящие клочья.

– Ложись! – крикнул Стас и толкнул на землю Купаву.

Прыжком метнулся в сторону и перекатился на бок. А на то место, где они только что стояли, уже сыпались стрелы. В руках сверкнули ножи.

– Войтик, раззява! Мух ловил? – проревел Леха.

Напрасно. И Войтик, и его волчата знали свое дело. Без суеты и паники, ошетинясь мечами, закрыли их со всех сторон.

И вовремя.

Появившись словно из-под земли, в их плотную шеренгу врубился клин из нескольких сотен закованных в аспидно-черные доспехи воинов. Врубились молча, остервенело.

Завидев наконец-то врага, разведчики тут же вместо обороны перешли к нападению.

– Хруст!

Груздень зря налегал на горло.

Полк Хруста уже охватывал кольцом Ставку. А сам Хруст чертом вертелся в седле, круша черные латы топором.

В руках эльфов появились их не знающие промаха грозные луки.

Груздень уже выстраивал вокруг вождя вторую линию обороны. Бой шел и в тылу воинов Хруста.

Все происходило само собой. Как на тактических учениях. Ни капли растерянности, ни суеты. На губах Стаса появилась счастливая улыбка. Не зря терзал и мучил он этих ребят.

– Орлы! – подмигнул он Лехе, забыв о своей повязке на глазах. – Но закрывать меня не надо. Обижусь.

И, выдернув из ножен мечи, шагнул вперед, толкнув плечом Груздня. Как не тяжел был воевода, но от плеча Стаса отскочил, как подросток и с изумлением уставился на командира.

Сзади глухо застонал Толян.

Вздрогнул. Развернулся на каблуках.

Толян медленно валился на землю и с изумлением глядел на торчащую пониже левой ключицы стрелу. Поднял взгляд на склонившегося над ним Стаса.

– Лоханулся я, командир, – виновато улыбаясь, проговорил он. И постарался оправдаться: – Не успел отмахнуться... Замочили.

– Он под твою стрелу встал, командир, – пояснил Веселин, ловя в воздухе кончиком меча еще одну стрелу. – Одну уронил, а за второй вернуться не успел.

В уголке губ Толяна появилась струйка крови. Веки отяжелели. С трудом разлепив их, вздохнул.

– Прости, братуха. Эту фишку без меня разменяешь...

Стас, не дослушав, крикнул:

– Бодрен! Рэд!

Эльфы уже давно привыкли повиноваться его голосу и без возражений вышли из боя.

– Леха!

Но в Лехе, видимо, по сей день жил опер. Еще до команды он рванулся на выстрел, умело заходя со стороны.

Но еще раньше, чем Леха завершил свой маневр, появился лучник. Не прячась, он размеренно шагал и так же размеренно скрипел в его руках лук.

Кинулся навстречу, выдерживая свои ножи из-под волчовки, Веселин. Растянул свой лук принц Бодрен...

– Веселин, стоять!

Команда застигла парня врасплох. Он остановился, как вкопанный и, потеряв равновесие, упал лицом вперед. И в тот же миг просвистела еще одна стрела.

А к ставке со всех сторон уже торопились воины, размахивая мечами.

В стрелка летели стрелы, но ни одна из них не долетела до цели. Неведомым образом и к всеобщей ярости, они падали перед ним на землю или, вильнув, уходили в сторону.

– Прекратить! – снова крикнул Стас. – Побьете друг друга.

И рванулся навстречу.

Снова словно какой-то тайный механизм включился в его мозгу. Весь мир исчез. Только глаза стрелка стояли перед его взором. Холодные. Немигающие. И невидящие. «Что за глупость? Какие глаза? – успел подумать он. – Но почему тогда он их видит?»

С трудом придержал смертельный удар. Хватило простенькой подсечки. Уронил лицом вниз, придавил сверху коленом.

Леха уже рядом.

– И не трепыхается! – с легкой завистью пробормотал он. – Или зашиб по запарке?

– Я и не бил его. Ты же сам видел.

– Как же! Увидишь тебя. Прыгнул и пропал. Растаял...

Не слушая Лехиного ворчания, Стас перевернул стрелка на спину. Все те же мертвые равнодушные глаза. Коснулся пальцем шеи, нащупывая пульс.

– Совершеннодохлый и явно бесполезный труп, – констатировал Леха. – Опять касание смерти?

– Говорю же, что не трогал я его.

– Так с чего бы ему богу душу отдавать, если ты его не трогал? – не отступал Леха, не слушая его оправданий. – Хлопец, судя по всем, у из наших. По крайней мере, прикид знакомый. Можно было попробовать расколоть.

– Не бухти. Пощупай лучше...

– Я и без него найду, кого щупать.

Но все-таки наклонился над трупом, коснулся ладонью лба и недовольно поморщился.

Вслед за ним и Стас опустил ладонь на лицо, чтобы закрыть безжизненные глаза. И тут же отдернул руку. Обожгло, словно схватился за оголенный провод.

– Поставь караул из надежных ребят, – негромко распорядился он, выпрямляясь. – Пусть хоть в обнимку с ним стоят, но, когда вернусь, парень должен быть на месте.

Леха что-то смекнул и взмахом руки остановил нескольких воев.

– Ну-ка, бойцы, обмотайте эту падаль вокруг той задумчивой березки, чтобы не сбежала. И глаз не спускать! В лохмотья растребушу.

И для убедительности показал им свой кулак.

А Стас, не дожидаясь его, уже бежал туда, где все еще гремели, заглушая все, грозные голоса Груздня и Войтика. Бой разгорелся нешуточный. Потери были с обеих сторон. Задержался около лежащего с побелевшим, безжизненным лицом Толяна. Около него суетятся Бодрен, эльфы, Купава...

Принц поднял голову.

– Стрелу вытянули. Кровь остановили. А дальше...

Дрогнуло сердце. Кровь ударила в виски с такой силой, что на миг помутилось сознание.

– Ты же можешь, брат! Рэд, вспомни, как меня вытащил из могилы.

– Мы пытаемся, Слав... – виновато отозвался Бодрен, отводя глаза в сторону.

Умолять, упрашивать бесполезно. Сам понимал, что эльфы делают невозможное.

Войтик рычит почти рядом.

Нападающие дрались в полном окружении, но отступать не собирались. Перестроились ромбом и, оцетинившись частоколом копий, медленно, шаг за шагом продвигались вперед. Стрелы отскакивали от черных панцирей. А длинные копья не подпускали на удар меча. Зато

из середины строя то и дело ввысь взмывали стрелы и с душераздирающим воем падали вниз. И каждый раз смерть находила безошибочно все новые и новые жертвы.

– Войтик! Мухой свалите несколько деревьев. Потолще и подлиннее. Стены ломают тараном.

Войтик, опешив, открыл рот. И как это такая простая мысль не пришла ему на ум? Но быстрее разведчика оказался вездесущий Хруст. В несколько ударов топора свалил одно дерево, затем другое.

Вскинули на могучих руках вековые стволы. Не тараном ударили. Как битой по рюхам. И сразу в пролом. Пустили в ход мечи. Дело сразу пошло на лад.

Войтик во всю ширь разинул свой рот в неистовом устрашающем реве и по-буслаевски раздает удары направо и налево жердиной, не уступающей в размерах бревну. Груздень вгрызся в самую гущу чернопанцирников. На голову возвышается над всеми. Забыл про свое воеводство Груздень. Мечи, как спицы в женских руках, мелькают. Рядом конязь Зорень. Словно вторую молодость обрел побратим. В волчовке, распахнутой на груди. Простоволосый. Мальчишество. Ахнут топором по голове. И нет побратима. А с кем останешься?

Веселин, пританцовывая, с завистью наблюдает за ними. Но Стаса бросить не решается.

Не оборачиваясь, распорядился:

– Притащи, Веселин, мне конязя Зореня. Обидят еще...

– Есть, командир! – жарко выдохнул Веселин. И запнулся. – А если не пойдет?

– Убеди! Скажи так, чтобы пошел. Или слова нужные перезабыл?

Нет, не забыл слова Веселин.

– Понял, понял... – сообразительно закивал головой.

– Так почему стоим?

Как в такой тесноте мечом размахнуться?

В руках у Веселина два ножа. С непостижимой быстротой сверкают клинки...

Где тот застенчивый краснощекий парень, которому Леха совершенно необдуманно инкриминировал нездоровую страсть к лютикам-цветочкам?

Давно уж увалень совсем не призывного возраста превратился в расчетливого грозного бойца. В его недремного стража. Немного найдется смельчаков, способных выстоять против его мечей. Но по-прежнему застенчив по-девичьи. И все так же краснеет.

Слова ему ни к чему. Слова Веселину только мешают.

Подгреб конязя левой рукой к себе и прет, успевая при этом наносить своим ножом молниеносные змеиные удары.

– Веселин, черт немытый! – яростно отбивается от него Зорень.

– Это командир, – оправдывается парень. – А меня, как бы, вовсе нет.

– Ай-ай-ай! – встретил его насмешливой улыбкой Стас. – И не стыдно, конязь? Главный воевода меж деревьев с мечами бегаёт. И конязь Зорень за ним увязался, вместо того, чтобы на белом коне да с высокого холма огненным взглядом следить за кровопролитным сражением. Так, чего доброго, и мне захочется. Круши мечом всех, кто под руку подвернется и никаких забот. Не царское это дело. Я уж говорил тебе. А не приведи Великий бог, саданет кто мечом под ребро? Или по светлой головушке? Кто дело вершить будет?

Говорил по-дружески мягко, чтобы не обидеть, но Зорень покраснел, как юнец. Но отвечать не стал. Что не говори, а прав во всем побратим.

Совет помог. Смяли, сломали сопротивление. Сбили уцелевших в кучу.

– Груздень, не увлекайся. Языка мне...

Воевода услышал. Опомнился. Припомнил, что давно уже не простой вой. Повернулся к Войтику...

– Ну, то-то же! А то развлечение себе устроил.

Появились арканы, взлетели в воздух. И вот уже тащат за лошадьё грохочущую лязгающую громадину. Затем еще одну. Хруст не утерпел, раскрутил над головой волосяную петлю... Выдрал прямо из середины рычащего в ярости воина, послал коня прыжком вперед. И вот уже барахтается, сиюсь подняться, оглушенный панцирник перед Стасом в груди железа. Завозился, несколько раз дернулся, пытаясь выпутаться из волосяной петли и замер, очевидно, поняв всю бесполезность попыток.

Стас повернулся туда, где над неподвижным телом Толяна все еще колдовали эльфы. Подошел Леха. Присел над пленником и осторожно расстегнул подбородочный ремень, чтобы скинуть с головы шлем, украшенный длинными турьими рогами.

– Не трудись, Леха. Он мертв. Мертв, как и тот, – кивнул головой в сторону привязанного к дереву стрелка. – И все остальные.

– Тебе почем знать... – огрызнулся Леха.

Со стуком на землю из шлема вывалилась голова. Пустые, широко раскрытые глаза уставились в небо.

Округу огласил душераздирающий волчий вой. В лагерь возвращалась стая. Прямо через головы стоящих тесным кругом с окровавленными мечами воинов мелькнуло растянутое в полете серое тело и широколобый волк встал рядом со Стасом.

– Все хорошо, Старый. – успокоил он жожака, потрепав по мощной шее. – Или, наоборот, все плохо. Я еще и сам не знаю.

И зашагал к принцу.

– Стас, на нем нет не единой царапины, – догнал его Леха. – И на остальных, тех, которых сбили арканами ребята Хруста, тоже... Я проверил. И все на одно лицо.

– А чему ты удивляешься? – неохотно отозвался Стас. – Сам мог бы догадаться, что хозяин подчищает хвосты. Я же не зря тебя просил пощупать того, первого. Тело не могло остыть так основательно за несколько минут. Он шел и стрелял мертвым. Кто-то ловко воспользовался его телом. Влез в него, как в скафандр...

Остановился за спиной у принца. Опустил на его плечо свою руку. И Леха с удивлением увидел, как могучий эльф ткнулся лицом вперед так, словно на его плечи свалилась скала.

– Я не могу, Слав, – виновато вздохнул принц и отвел глаза в сторону. – Стрела наговоренная. И заклятие может снять только тот, кто заклил ее.

– Бодрен, ради всего святого... – едва слышно выговорил Стас, с трудом шевеля враз пересохшими губами. – Я не могу потерять его. Леха да он, вот и все, что связывает меня с моим миром. Ты же должен понимать...

Леха смотрел на эльфа дикими глазами.

– Не верю! – с ненавистью крикнул он прямо в лицо эльфа. – Не верю во всю эту вашу лабуду! Не верю!

Рухнул на колени и сгреб Толяна за отвороты волчовки.

– Толян! Братуха! Разводишь нас? Кончай придушивать.

Гладко выбритая голова парня моталась из стороны в сторону.

– Леха, прекрати истерику...

– Толян, Стас ждать не будет. Без тебя уйдет. Копытами звенит. – Глаза у Лехи дурные, влажные.

– Прекрати!

Отодвинул упирающегося друга рукой и присел рядом. Отвернул волчовку и накрыл рану на просторной груди рукой.

«Хорошо, что не срезень, а бронебойная... – подумал он. – Ранка, как от «Макарова». Иначе располосовало бы на половину груди».

Над телом Толяна повисло легкое, прозрачное или призрачное, как кисея, облачко. И Стас, или только показалось, расслышал неясное бормотание.

Прошла минута, другая... Мозг работал, как метроном, отсчитывая секунды. Ощутил в ладони покалывание.

Счастлив Леха. Может позволить себе все, что угодно. Даже закатить истерику. Сорваться до эмоций, до слез. Кричать и задыхаться от ярости и бессилия.

Привязался к простодушному братку с по-детски наивными глазами, под волчовкой которого таилось, несмотря на все, его глуповатое естество, отзывчивое и доверчивое сердце. Верное и преданное.

«Он будет жить, витязь, – забился в сознании женский уверенный голос. – Я не позволю ему умереть. Пока он сам того не захочет. Судьба этого мира многие века будет храниться его жизнью».

И что тут можно сделать?

Ладонь огнем горит. Уже не иголками, клинками рвет в куски.

Удивительно, как крепко сидит жизнь в этом сердце. Стрела прошла впритирку с ним, а оно, это самое бестолковое Толяново сердце, трепещется под ладонью. Крепок парень! А чем поможешь? Еле заметно вздрагивает обнаженная грудь.

Леха, сдерживая дыхание, скрипит зубами над его ухом.

– Толян...

И, словно услышав Лехин шепот, открыл глаза. Поморщился болезненно, чихнул...

– Леха, братуха... – шевельнулись синюшные губы. – Колбасит меня, командир. Холодно. Такая непруха!

Купава всхлипнула, зашмыгала носом. Но зареветь, завывать по-бабьи, не решилась. Прижала туго сжатые кулачки к лицу и раскачивается из стороны в сторону.

Стаса и самого бросило в дрожь. На лице холодный пот. Течет со лба, забирается под повязку. Липкий, соленый. И едкий, как кислота. Разъедает невидящие глаза.

Отвалился в сторону и уронил голову на колени.

Облачко медленно растаяло. И снова Стас услышал облегченный женский вздох.

Мотнул головой, прогоняя наваждение.

А Леха мнет, охаживает Толяна своими лапами по спине.

– Развел, развел нас. Страху нагнал, а сам только отдохнуть прилег. Толян, братишка!

Щурит Толян, не привыкший к нежностям, глаза. Мямлит что-то нескладное и невразумительное в ответ.

Раскидывая глазающих на это чудо воев, к Толяну лезут Груздень с Войтиком. Хитрый Хруст затаился за их спинами и, улучив удобный момент, скользнул между ними к Толяну.

И, наверняка, вышибли бы снова из него дух, если бы не вмешался Зорень.

Окинул строгим взглядом ошалевших от радости друзей и, укоризненно покачивая головой, распорядился.

– Груздень... И ты, Войтик. Берите Толяна на руки и несите его в мой шатер. А то я начинаю думать, что если ему от стрелы не суждено было умереть, так от ваших нежностей уж точно помрет.

Толян окончательно потерялся.

– Я бы лучше с пацанами, – промямлил он.

– Исключено! – решительно поддержал конязя Стас. – Исполнять без пререканий. И не волновать. А то его чувствительная душа не выдержит и покинет вместительное и уютное тело. Вопросы? Вопросов нет! Тогда бережно и нежно...

– Пацаны, я сам... – робко отбивался Толян, с опаской поглядывая на руки Войтика. – Командир, ты только меня подожди. Я малехо оклемаюсь... и как новенький.

– Куда я без тебя? – постарался успокоить его Стас. – Не бери в голову.

– Такая подляна, пацаны, приключилась. Бодрен, с меня простава. Вернемся с командиром, поляну накрою. Вообще реально получилось! По максимуму!

– Командиру поляну накрывай, – смутился принц. – А я, как ты говоришь, сегодня не при делах. Рядом постоял с задумчивым и умным видом.

А Стас сам, мало что понимая, провожал его долгим задумчивым взглядом. Никак не выходил из головы женский голос. Или снова глюки?

Толяна провожали до самого шатра. Парень явно страдал от повышенного к себе внимания и чувствовал себя не в своей тарелке. И только в шатре вздохнул с облегчением.

Груздень и Войтик даже в шатре не дали встать на ноги. Бережно уложили на коняжескую постель и сели рядышком, по-крестьянски сложив руки на коленях.

– А, может, я лучше с тобой, Войтик? – попросил Толян, смущенно отводя глаза. – Зоренья согнал с дачки...

– Выздоровливай, Толян, – успокоил его конязь. – Без крова не останусь. Груздень приютит.

И повернулся к Стасу.

– Не могу понять, как все-таки дружина в несколько сотен мечей незамеченной прошла через весь лагерь к твоему шатру...

– Это как раз совсем не удивляет.

– Дорога? – спросил Бодрен, переглядываясь с Рэдэльфом.

– А что же еще? – равнодушно пожал плечами Стас. – Груздень, приюти нас на время в своем шатре. Пусть Толян отдыхает. И выставь у шатра караул.

Груздень, не ответив, кивнул головой и коротко взглянул на Хруста.

Воевода тут же скрылся за пологом.

– Вождь, позволь и мне уйти. Надо порядок в стане навести. Раненых обиходить, убитых похоронить. Тебе шатер поставить, – осторожно напомнил о себе Хруст.

– Да, конечно, воевода. Ступай...

И уж у самого воеводского шатра их догнал запыхавшийся Леха.

– А тебя где носило?

– Знаешь, Стас, никто не видел и не слышал, как прошли эти ребята. – Леха неопределенно кивнул головой, считая что и так все понятно. – Ну, не могли они пройти незамеченными мимо боевого охранения. Не могли... Хоть один бы, да сумел крикнуть. Сам все проверил.

– Не удивил. О том же говорим.

– Я и не старался удивить. Кроме того, который на тебя вышел, ребята Хруста остановили еще нескольких лучников. Чужих среди них нет. Все из наших полков. Многих опознали.

– На чужих могли обратить внимание, – включился в беседу Зорень. – А эти, вроде бы, вместе со всеми на выручку бежали. Попробуй догадайся, что со злодейством бегут. Но как их могли уговорить? И кто?

– Зачем же их уговаривать? – невесело усмехнулся Стас.

– Правильно, Стас. У них даже не спросили. В темную использовали, – согласился Леха. – Я проверил. На всех сухие раны. Нет и капли крови. Создается картина, что мы убивали уже мертвых. Даже не верится.

Зорень, ничего не понимая, открыл было рот, но Стас сделал вид, что не заметил этого.

Принц поежился.

– Наше счастье, что они использовали без разбору первые попавшиеся тела. А могли подобраться и ближе, – прошептал он, поворачиваясь к Стасу. – Страшно представить, что могло быть, если бы они завладели телом Войтика. Или Хруста. Или твоего Веселина, которому и бежать никуда не надо. А Толян уже был в готовом виде. Полуфабрикат! Вытянул руку с ножом, и дело сделано.

– Вам тоже приходилось с этим сталкиваться?

– И не один раз! Но мы думали, что это колдовство темных эльфов. Мы же и предполагать не могли, что кроме темных есть еще кто-то...

– Плохо же ты знаешь своего брата.

Бодрен покраснел и отвел глаза в сторону.

– Да будет тебе. Все равно не вижу, – с улыбкой успокоил он принца. – Когда дурь в башку ударит, еще и не то на ум взбредет.

Повсюду царит деловая суета. Груздень неподвижной глыбой высится над всем этим в самом центре ставки. За спиной у него ставят шатер для Стаса. Еще дальше устанавливают несколько шатров для раненых. Издалека доносится ржание лошадей. Там снаряжают обоз с убитыми. Груздень не решился предать их земле вдали от родных домов, здесь, в безлюдном месте.

– Не красоваться нам с вами, ребята, впереди победоносной рати в жаркой битве и на лихом коне. И песни будут петь о других.

– Ты о чем, Слав?

Зорень остановился и с подозрением посмотрел в его лицо.

– Вот что мне нравится в нынешнем положении, так это то, что фиг что можно узнать сейчас по моим глазам.

– Шутник! – зыркнул глазами Леха. – Колись. Опять очередную гадость задумал?

– Почему обязательно гадость? Я, можно сказать, собственными руками вытащил тебя на торную и широкую дорогу государственного деятеля. Весь в шоколаде. А ты – гадость...

– Щас зарыдаю...

– Да рыдай себе на здоровье. Я и глазки могу вытереть, и носик. Глядишь, и полегчает.

Зорень и эльфы с любопытством следили за их ленивой пикировкой.

– Не дождешься!

– А хотелось бы. Обидно же. Чем мы других хуже? И белую лошадь могли бы достать. Хватило бы и одной на всех. Катались бы по очереди. Красовались перед полками. А тут, раз... и облом! Жизнь выворачивает очередное коленце.

– Не темни. Выкладывай.

Стас помолчал, собираясь с мыслями.

– Жизнь, ребята, повторюсь, каждый день вносит в наши планы коррективы. То, что казалось еще вчера важным и безотлагательным, сегодня смотрится уже иначе. И последние события – тому подтверждение. Леша, я хотел бы тебя просить, чтобы ты вернулся к прежней профессии...

– Стас, ты на меня уже столько нагрузил, что я уж счет давно забыл своим чинам и должностям.

– Так где же я других возьму? Кто здесь может четко и ясно представлять, что такое разведка и контрразведка? Да они и понятия не имеют об организации милицейской службы...

– Может, заберешь у меня наместничество?

– Забудь и думать. Люди только начали привыкать к твоему лицу. Мог бы передать твои полки Бодрену, но мне не обойтись без него. Разве Хруст? Кстати, мой добрый друг, к тебе тоже просьба... Распредели своих эльфов по полкам. Какая-никакая, а все защита...

– Хорошо, Слав. Я думаю, что это своевременно...

– И все же, Стас...

– Леша, не торгуйся. Где я тебе людей возьму? Нет их! К тому же, привычным делом займешься. Только, Леша, бегом!

– С тобой разве можно шагом?

– Обдумай все. Кто, где, сколько. Суток хватит? И завтра ко мне с предложениями. Потянешь воз на пару с Зоренем. А то ему одному скучно. И нашему волхву полегче будет. Земли в кучу сгребли, а управление наладить времени не хватает. Да и рубежи от соседей закрыть давно пора. Хорошо бы Хруста к этому делу приставить. Но занят Хруст. Обидно. – Поправил повязку на глазах. – А, может, ты возьмешься, Бодрен? Не сразу... Когда вернемся. А это что?

Указал пальцем на дерево, к которому был пришпилен стрелой воин.

– Один из тех, – пояснил Леха.

– А почему не сняли до сих пор? Это, Леша, не один из тех, это один из наших бойцов. И погиб от рук врага. А стрелы бросал не он, а тот, кто завладел его мертвым телом. Неужели непонятно?

Наклонил голову, задумался.

– Да, ребята, на них вины нет. Так и надо объявить по полкам. И распорядись, чтобы сняли!

И устало откинул полог шатра.

Леха переглянулся с Зоренем, обернулся...

Труп сползал со стрелы. Сантиметр за сантиметром продвигался к оперению.

– Стас! – крикнул Леха, чтобы привлечь внимание.

Хрустнуло, переломившись, древко стрелы. И труп шагнул вперед с торчащим из груди оперением. Еще шаг... и Леха рванул свой клинок из-за головы. Но мертвый воин легко повел рукой, отстраняя его в сторону, и Леха, отлетев на несколько шагов, грохнулся головой о дерево и потерял сознание. А в руках у неожиданно ожившего покойника появился меч.

Кинулись вперед Зорень с Бодреном, заслоняя от нападавшего Стаса, но «покойник» избавился от них с той же легкостью, как и от Лехи.

И сразу же нанес удар.

Стас подставил свой меч, парируя удар. И сразу же вслед за первым последовал новый удар. Атаки следовали одна за другой. Стас без труда останавливал эти беспорядочные удары, удерживая себя от рокового удара, который мог остановить этот чудовищный бой. Рука не поднималась поразить воина, которого он все еще считал своим.

– Арканы! Живо! – глухо распорядился он.

Но в его команде не было никакой необходимости. Арканы уже взметнулись в воздух.

И Стас выбил меч из рук противника.

Как только арканы захлестнули плечи, воин замер и, постояв несколько мгновений, рухнул на землю. Пришедший в себя Леха длинным прыжком упал ему на спину и заломил руки.

– Напрасно ты так, – покачал головой Стас. – Он снова мертв. Хотя, что я говорю?

– Что с ними делать будем, Стас?

Вместо ответа Стас пожал плечами.

И Леха повернулся к принцу.

– Огонь... – коротко и неохотно отозвался Бодрен. – Но будут и другие. Они начали охоту на тебя, Слав.

– На Стаса? – переспросил Леха.

– У тебя есть варианты?

– Эй, ребята! Я все еще здесь, – вмешался Стас.

– Хоть это успокаивает, – язвительно хмыкнул Леха. – Ты чего дожидался? Когда он тебя зарубит?

– Ну, это вряд ли. А кроме того, если ты не забыл, он мой боец.

– А я и не знал! – Леха натянул на свою физиономию самую ехидную и отвратительную из всего арсенала улыбку.

Вытянул руку, перехватил куда-то спешащего воя.

– Эй, боец! Мухой ко мне воеводу Хруста.

Воин остановился, нерешительно посмотрел на вождя, перевел взгляд на коня Зореня.

– Вперед, и чтобы подошвы горели!

И грозно свел брови к переносице.

Повторять приказ не пришлось. Воина словно ветром унесло.

– Обидится Хруст, – губы Стаса тронула легкая усмешка.

– На «ЧК» не обижаются, – отрезал Леха и повернулся к торопливо подбегающему Груздню. – Удивительно вовремя.

– Так я только... а тут уже... – начал растерянно оправдываться Груздень.

– Не суетись, – остановил его Леха. – Все равно бы не успел. Вот что, дружище, с курортом надо заканчивать. Видел бойца? Гуляет, как на пляже. Пуп голый. Да если бы эти ребята были немного сообразительнее и пришли бы часом раньше, они бы тысячи успели вырезать. Поэтому распорядись, чтобы полки усилили боевые охранения. Вперед выкинуть разьезды. По две-три сотни от каждого полка держать в боевой готовности. Занятия по боевой подготовке ежедневно и не меньше шести часов. Бронь не снимать. Вокруг ставки не болтаться! Задерживать и ко мне.

Груздень с изумлением смотрел на непривычно суровое лицо обычно улыбчивого Лехи. Повернулся к Стасу. Тот слегка кивнул головой, успокаивая воеводу.

Подошел, явно недовольный тем, что оторвали от дела, Хруст.

– Хруст, одну сотню передай Войтику. Оборону ставки надо усилить. И прочеши со своими козарами на сотню верст всю округу. Если получится, можешь захватить и больше. Возьми у Войтика десяток волчат. А у принца попроси эльфов. Люди бывалые, знают куда и как смотреть. На сборы час.

Смутился. Откуда Хрусту знать, что такое час?

Теперь уже и Хруст смотрел на Стаса.

Стас скептически отнесся к Лехиным замыслам, но вмешиваться в его распоряжения не стал. Безделье развращает.

– Груздень, распорядись, чтобыдесятники и сотни проверили каждого воя. Что и как смотреть, знаешь не хуже меня. А нет, так поговори с Бодреном. И не смотри на меня дурными глазами. Слово вождя! А вечером за рюмкой чая пошепчемся...

Упоминание о вожде сразу успокоило воевод.

– И где этот чертов сын Войтик? Второй прокол за утро. Надо бы этих ребят перенести всех в одно место. – Указал взглядом на неподвижное стянутое волосяными арканами тело. – Только подальше от ставки. Чем черт не шутит, вдруг еще кто-то вздумает восстать из мертвых? Зрелище, скажу я вам, малопривлекательное. И моя впечатлительная натура с трудом его переносит.

По задумчивому взгляду главного воеводы было понятно, что с последним суждением Лехи он безоговорочно согласен.

– Бодрен, твои ребята способны распознавать их?

– Не уверен, Леша, но попробовать можно.

– Тогда немедленно отряди несколько человек по полкам вокруг ставки. Пусть понаблюдают.

– Хорошо...

– Вот и ладушки! – Леха улыбнулся и подмигнул воеводе. – Груздень, кормить будешь? Или домой топать?

С интересом заглянул в насупленное лицо.

– Можешь не отвечать. Вся надежда на Златку, – снова окинул взглядом ставку. – Так куда все-таки исчез Войтик? И розовощекая физиономия Веселина почему-то не украшает больше пейзаж за спиной вождя...

Поежился, зябко передернул плечами.

– Нервным стал. Всюду глаза мерещатся. Следят нагло и цинично. И не прячутся.

– Издержки профессии, – хмуро согласился с другом Стас. – Бодрен прав. Началась охота. Я стал для вас опасен, ребята. И чем быстрее исчезну, тем спокойнее будет всем. Если бы не Толян, давно бы был в пути. Глядишь, и обошлось бы.

– Крыша протекает? Башню снесло? – злобно прошипел Леха, дико выкатывая для пущей убедительности глаза. – Не пори чушь!

– Почему обязательно чушь? Ей-богу, обидно. Командир, и вдруг чушь!

– На грубость нарываешься?

– Леша, люди хотят пообщаться со мной в мирной неофициальной обстановке. Зачем же я буду лишать их этого удовольствия? Обидятся, переживать начнут... А мне это надо? Как воспитанный человек, я просто не могу поступить иначе. А почему мы торчим здесь, как три волосинки на плечи?

– В самом деле? Груздень, раз кормить нас не собираешься, хватай ноги в руки и поспеши приступить к исполнению ценных указаний, а потом приходи ко мне. Златка не даст нам умереть мучительной голодной смертью.

Но уйти им не удалось. Их внимание привлекла спешащая на немыслимой для него скорости фигура Толяна.

– Командир! – издали закричал он, поправляя мечи за плечами. – Войтика выдергивать надо!

– Глюки, Толян?

Ехидный Лехин вопрос остался без ответа.

– На мочилову Войтик попал. Колбасят его...

– Приснилось?

– Ну... сплю, а он орет. Он за ними нарезал копыта.

– Толян, давай все по порядку. И на человеческом языке. Что, где, как. И про копыта подробнее.

– Некогда по порядку. Замочат Войтика. И Веселин с ним, – переводит умоляющий взгляд с одного на друга, от нетерпения, как конь, перебирает ногами.

Стас на мгновение задумался, глядя в круглые тревожные глаза парня.

– Бодрен, ты выставил защиту?

– Что-то надо было делать, Слав. Кто же знал, что так получится? – крикнул принц вдогонку убегающему Стасу. Обреченно махнул рукой и ринулся следом.

– Активно денек начался. И, что характерно, совсем не скучно, – пробормотал Леха, взмахом руки подзывая к себе сотника. – Сотню в седло. И четырех коней для нас. Живо!

Глянул с тоской в небо, погладил живот.

– Без завтрака мы уже остались. Как бы и с обедом не пролететь. Ох, брат Зорень! Как не крути, а согласиться со Стасом нам придется. Хотя, по правде сказать, совсем не по душе. Только человеком себя почувствовал. Надо возвращаться нам с тобой в стольный град Волчок. И чем быстрее, тем лучше. Отсюда обзор не тот. Масштаб теряется.

Сел в седло и разобрал поводья.

– Масштаб не тот, Зорень. Не тот! – со злостью повторил он. – Возьми лошадь для Толяна. Поспешим. А то Стас опять оставит нас без десерта. Все себе захапает. Падок на сладкое. Доберется, во вкус войдет, не оторвешь.

Но сотню можно было и не поднимать. За вождем и дико орущим Толяном уже выстроилась не одна сотня воинов.

Леха издали заметил эту безобразную аморфную массу и, погоняя коня, повернулся к Зореню.

– Привязался Стас к нашему мальцу. Голову потерял. Ломит бездумно вперед.

Обогнав толпу, закрыл конем дорогу и, подняв руку, распорядился.

– В колонну по четыре становись! Конязь Зорень, прими командование. Командиры, в голову колонны!

И, пришпорив коня, поскакал вдогонку за Стасом.

Догнал, поравнялся и бросил повод.

– Хороший нос кулак за версту чувствует? Но, думаю, в седле скорей нарвешься. Принц, а на тебя я удивляюсь. Стасу простительно. Происхождение самое что ни на есть рабоче-крестьянское. Про Толяна и говорить не приходится. Мутная личность с криминальным прошлым. Но ты-то! Коронованная особа. Можно сказать, престолонаследник. И пешком... Фи!

Но Толяну было не до шуток. Вломился в ближний лесок. Как лось, не разбирая дороги, проскочил через него и нырнул в овраг.

– Негодились твои лошадки, напарник, – усмехнулся Стас и укоризненно покачал головой. – Как они его туда затащили? Не развернуться, не размахнуться. Хотя, с другой стороны, и им не проще. Десяток со мной! Остальных раздели на две группы и пусти с двух сторон по краю оврага.

И без раздумий спустился в овраг.

Было похоже, что, расширяясь, овраг уходил в сторону реки, с каждым метром зарываясь все глубже и глубже в землю. По его склонам вверх поднимался низкий густой кустарник и тонкие уродливые деревца.

Через четверть часа слышали звон оружия и яростный голос Войтика.

Повернулся к эльфу. Успел подумать, что так и не сумел привыкнуть к украшению на своем лице в виде черной повязки.

– Братцы! Я иду! – взревел, выскакивая из-за спины, Толян.

Сами собой выскочили мечи из ножен.

Войтику с Веселином приходилось туго. Они дрались в полном окружении без всякой надежды выжить. И, понимая это, не оборонялись, а очертя голову лезли вперед, желая подороже заплатить за свои жизни. Встав спиной к спине, как четверорукое чудовище, ворочались в густой толпе, устилая дно оврага трупами врагов.

И Стас ударил в спину вслед за Толяном.

Но еще раньше в овраг свалились волки, которых привел старый вожак, услышав грозный призыв Войтика.

Натиск немного ослабел.

Войтик с Веселином заметили это и удесятирили свои усилия.

Сверху прямо на головы сыпались воины сотни, которую привел Леха. Сзади напирал со своими добровольными помощниками Зорень.

Началась рубка на уничтожение. Безмолвная и свирепая...

– Войтик! Пробивайся навстречу!

– Командир! Их нельзя отпускать. Растут, как грибы после дождя в летнюю пору. Прямо из-под земли лезут.

Стас начал что-то понимать.

– Понял, принц?

– Дорога? Еще одна? В горы?

– Не знаю. Думается мне, что они в любое время могут пробросить ее откуда угодно куда угодно. Стоило бы проверить. Жаль, времени нет.

Трещат под могучими ударами мечей латы. Но противник оправился от удара и держался стойко. Войтик был прав. Несмотря на потери, их не стало меньше.

«Повезло Толяну. Поймал свою фишку», – подумал Стас. – «Не придется сегодня жаловаться, что все кончилось. Досыта хватит. Но как получилось так, что он на глазах оправился от своей раны?».

Еще одно усилие, еще один удар мечом, толчок плечом, и он рядом с Войтиком. Веселин привычно скользнул ему за спину, прикрывая от ударов сзади.

Закрутились, заискрились мечи, разнося смерть. Расчистил пространство, освобождая место для принца и Толяна.

– Братан, как ты попал на это бодалово? – у Толяна глаза сверкают от бешенства. Рубанул крест-накрест, скрипнул зубами. – Получай, фашист, гранату! Веселин, ты где так перемазался?

Стас заволновался.

– Это не моя кровь.

Дыхание сбито. Загоняли парня. Молод. Не хватает еще выносливости. Вовремя подопели.

По всему, под таким напором враг должен был давно сломаться. Но не ломался.

Войтик был прав. Лезли, как из-под земли. Пора было осмотреться, пока горячка этого дикого бессвязного боя не ударила в голову.

Взвинтил темп, растворился в проблесках мечей, прошел по кругу.

– Пусть уходят, – бросил он Войтику. – Не держи. Хочется на крылечко посмотреть. Любопытно, знаете ли, судари мои, увидеть, откуда, из какой норы они выползли.

Войтик завертел головой, но кроме сияния мечей ничего не разглядел. Стас пошел по второму кругу.

Исчез и Бодрен, накинув на себя свой эльфийский плащ, плюнув на вельможные условности и светские приличия.

Толян было потянулся за ними, но быстро отстал. Недавнее ранение все же давало себя знать.

Центр побоища опустел, если не считать завалов из мертвых тел. И в это время почти в середине круга появилось тусклое, с размытыми краями, мерцающее пятно.

Войтик, наука разведчика не прошла бесследно, первым сообразил, что это такое и ринулся к нему, выписывая мечами замысловатые фигуры.

– Стоять! – успел крикнуть Стас.

И, как оказалось, вовремя. Из пятна навстречу Войтику по-змеиному быстро ударило лезвие копья.

Войтик на полушаге остановился и метнулся в сторону. С непостижимой быстротой в пятне исчезали его обидчики. Живые и мертвые... Дернулся вслед за ними Веселин, но Стас удержал, положив ему руку на плечо.

– Пусть уходят, мой мальчик. Мы найдем их!

Повинуясь Стасу, стояли и смотрели, как исчезают непонятно в чем и непонятно где, эти неизвестные вои. Кое-кто попытался даже заглянуть за мутное пятно, с противоположной стороны.

И поворачивались, дико глядя на Стаса.

С другой стороны пятна не было.

– Колдовство! – мог бы прочитать в их глазах Стас, если бы сохранил такую способность.

– Разъясни, – потребовал он после того, как исчез последний. – Как ты здесь оказался?

– Черти бы их всех взяли. Пятерых ребят положил! – вызверился на него Войтик. – Вождь, это не орки! По крайней мере, не все орки. И даже не те страхолюды в балахонах...

– Догадался уже. Не дурак. И все таки...

– А я знаю? С них снимали доспехи. Я подошел... Наклонился. Заглянул в лицо. Показалось, что открылись глаза. И увидел... А может, не увидел, а только подумал, что увидел...

– Интересно девки пляшут. И, что характерно, на редкость убедительно. Но все же, что ты там увидел? В этих самых глазах.

– Почем я знаю! Увидел и все. Крикнул Веселина, ребят, которые рядом оказались, и в седло. И сюда. А они посыпались, как очистки из бабьего поганого ведра.

– Еще веселее! Увидел не знаю что, поскакал не знаю куда. И неведомо зачем.

– С последним как раз ясно. За приключениями на свою... не при принце будь сказано, – съязвил Леха.

Войтик вздохнул и развел руками.

– А подумать?

Войтик оскорблено фыркнул и выкатил на него удивленные ясные глаза.

– Ты же запретил. Сказал, что сам думать будешь.

– О как! Я же виноват, и меня же ругают! Можно сказать, на все корки кроют абсолютно неприличными и распоследними словами. Тогда, не думая, скажи мне, что было бы, если бы они уволокли тебя с собой? Такая мысль не посещала твою шальную голову? Обошла стороной?

Войтик округлил глаза и сразу стал похожим на Толяна.

– Ясно! Рванула в другую сторону... драгоценная. Прошла пролетом мимо. Хорошо, дружкой догадался позвать на помощь.

– Я? – глаза из круглых, показалось, стали квадратными. – Когда мне было звать на помощь? И как бы я докричался? Я где? А вы где? Да я глотку бы сорвал!

– Ну, если так, тогда, конечно.

Входить в тонкости человеческой психики, значит лишить человека последней возможности мало-мальски соображать, и Стас решил уберечь Войтика от подобного недуга.

– Значит, Толяну вещий сон привиделся. Открылись новые возможности. У Пивня кусок хлеба изо рта вытащит. Волхвовать начнет.

– Прикалываешься, командир? – заинтересованно воззрился на него Толян, всем туловищем поворачиваясь к нему. – Или как?

В объяснения вступать не стал.

– Зорень, убитые и раненые есть?

– Раненые есть, – вместо Зореня ответил Алексей. – Двухсотых нет.

– Возвращаемся. Из лагеря ни ногой. За дозоры палец не высовывать. Шесть часов, а то и все восемь ежедневно выделить для занятий. И окопаться! Наглухо! Леша, проследи сам. Если понадобится, заставь воевод стоя спать!

– Ясно! Придется «губу» внедрять в этот скромный и задумчивый быт.

– Если надо, внедряй. По коням, бойцы! – щелкнул по-волчьи зубами, рыкнул, созывая стаю, позвал. – Старый! Кто видел родичей?

Из-за спины послышался неуверенный голос:

– Они туда, кажется, ушли, вождь.

– Что за глупость, зачем?

Высвободил ногу из стремени.

– Зорень, возвращайтесь, я остаюсь.

– Стас, я усиленный дозор оставляю. И как их ждать, если они там? Окно затянуло... – решительно вмешался Леха.

– Моя стая, мои бойцы...

– Так позови громче. Может, услышат. Они ребята скромные. Сделали дело и ушли, чтобы не выслушивать слова благодарности.

С замиранием сердца вои вслушивались в грозный призыв вождя.

Потянулось время. Ответа не было.

И снова Стас, уже без всякой надежды, запрокинул голову в протяжном волчьем вое.

– Возвращайтесь. Я остаюсь.

Выпрыгнул из седла Толян. Подавленный всем происходящим, грузно слез со своего жеребца Войтик. Веселин поправил под волчовкой свои верные ножи.

– А вы куда? Мало перепало?

Веселин виновато улыбнулся. Выкатил глаза, сердито раздувая ноздри, Войтик. И промолчал. Толян нагло огрызнулся:

– Какой базар, в натуре, командир? Сделай лицо попроще. Они, типа, и нам родней приходятся. Не хухры-мухры!

Знает паразит, как под кожу залезть.

– Ох, Толян, чувствую, как настойчиво лезет в мою голову подлая мыслишка, не напрасно ли мы вытащили тебя с того света? Не лучше ли было там оставить?

– Если подлая, не пускай. Пусть не лезет, куда не просят, – со всей возможной для него серьезностью посоветовал Толян.

– Так лезет!

– Закрой ворота. И кранты! Дома никого нет. И мамка пускать не велела.

– Хорошо бы так!

– А то нет? – согласился Толян и уютно развалился на покато́й стенке оврага, закидывая руки за голову. – Жаль, хавчик не захватили. Лопухнулись. Леха, может, пришлешь?

– Ночевать здесь собрался?

– Главное в обороне – харч, а потом сон. Так пацаны в армии говорили. А без харча какой сон? Ты мне друг или как?

– Или чем... Учись, Стас как от умных мыслей избавляться, – расхохотался Леха. – А ты и не знал. Толян, я тебя умоляю. И все же, Стас, это не самая умная мысль. У моря погоды...

– Подскажешь умнее? – перебил его Стас.

Умом и сам понимал, что Леха прав. Но душа заставляла сидеть в этом овраге. И скорбела оттого, что не было возможности нырнуть следом на эту клятую дорогу.

Так прошел час. Затем еще один. Рядом раскатисто похрапывал Толян, отчаявшись дожидаться обещанного хавчика. Да и рана давала себя знать. Все, что было, сжег в стремительной атаке. А потом заставлял себя держаться на одном характере. Подремывал Войтик, иногда сонно открывая глаза и таращась в ту и другую сторону оврага. И только Веселин бдительно и старательно нес службу.

– Вернемся, вождь? Сболтнули, не подумав, ребята, а стая ушла... А если там, – Веселин кивнул головой в ту сторону, где совсем недавно висело тусклое пятно, – то им одним без нас не выбраться.

Не ответил.

Что отвечать? Прав Веселин. Одним им не выбраться. Опростоволосился Старый... И все же хотелось надеяться. Была бы возможность, нырнул бы следом.

Зыбкая, тревожная тишина, прерываемая могучим храпом.

– Командир!

– Что тебе, Веселин?

– Слышишь, командир? Голос Лобастого...

Вспыхнуло нестерпимо яркое пятно в метре над дном оврага и выплеснуло под ноги изломанное, изуродованное волчье тело. Затем еще одно. Раскалилось добела и выплюнуло, как подсолнуховую шелуху, сразу несколько. Последним выкатился Старый... Встал, раскорячившись на дрожащих ногах, и, с трудом подняв отяжелевшую голову, завыл. Тягостно и длинно.

– Веселин, Войтик...

Мечи из ножен вон и с места головой вперед длинным прыжком. Но пятна уже нет. Только зыбкий туман клубится над тем местом, где оно пылало.

– Эх, Старый, Старый! Как же ты так... С Толяном сговорились, помирать задумали?

– Не фигу себе. Даже в башке не было. Я что, на лоха похож, чтобы помирать? Мне и здесь не плохо, – обиделся заспанный Толян.

Опустился перед вожакон на колени, притянул широколобую голову к груди.

– Командир, надо в лагерь. Они живые... – это Войтик. Присел рядом, коснулся волчьей спины. – Может, довезем.

– Так какого же...

Кони неслись вскачь. Сами бежали рядом.

Войтик всхрапывал, как его дикий вороной жеребец, совсем ошалевший от жуткой поклажи. Сопел Толян, держа повод своей лошади. Веселин без разговоров отнял повод лошади Стаса. Бежал ровно и размашисто, держась за его спиной, изредка успокаивая.

– Сразу не пропали, сейчас не пропадут.

Глава 3

От стаи уцелело восемь волков. Погибших похоронили как воинов. В братской могиле. Только салютовать – стрелами из луков? Не поймут. И понты не те, как сказал Толян. Обошлись скромно, без речей.

– Стас, Хруст сам пошел с козарами. Принц дал ему пять своих эльфов. Хотел просить у него Рэда, но вспомнил, что он идет с тобой...

– Уже не идет, – рассеянно ответил Стас, отходя от волчьей могилы. – Никто не идет.

– Не понял! – ошарашено воззрился на него Толян. – Что за базар, командир? А зачем я торопился выздоравливать?

«Встретил» непонимающий взгляд эльфа. Услышал оскорбленный голос Войтика.

– А что непонятного, ребята? Все предельно ясно. Как божий день. Я стал опасен. Неужели непонятно? Или нынешний урок ничему не научил? Войтик, если тебе приспичит погоняться за мной с луком по лесу, или Веселину запустить в меня своим ножом, что мне прикажете делать? А, может, Бодрен пожелает попробовать свой меч на моей спине? Убивать вас я не хочу. И не смогу!

– С чего бы мне гоняться за тобой с луком, да еще по лесу? – сердито спросил Войтик. – А тем более Веселину...

– Кто тебя спросит, друг мой Войтик. Влезут без спроса, займут без ведома и предварительной договоренности твое вместительное тело, и еще как побежишь! Может, даже вприпрыжку, весело и с бодрой молодецкой песней, – невесело улыбнулся Стас. – Или ты думаешь, что те ребята мечтали меня убить? Не думаю.

– Алексей, а ты отмолчаться решил?

– Стас прав. На месте тех хлопцев мог или может быть любой. И из нас – в том числе. Но одного отпускать его нельзя. Вариантов нет. Хоть совой о пень, хоть пнем по сове. А все равно сапогом по морде со всего размаха и от всей души. К тому же больно, – глухо проворчал Леха, отворачиваясь от Стаса.

– Слышали? А теперь рассудите по-иному. Не как мои друзья, а как державные мужи. Что и кто против нас? Какую пакость держит он против нас в своем рукаве? Где прячется, откуда, из какой норы он следит за нами? Наши друзья эльфы жили бок о бок с ними бог весть сколько времени и не знали об их существовании. Принц Бодрен даже готовил братоубийственные планы. Согласен был пролить родную кровь. Братец Дельбар на орков зуб точил. А кто-то посмеивался и нежно подталкивал их к кровопролитию. Мы, не ведая о нем, встали на пути и тут же получили подзатыльник. Нет, братцы, надо искать! Под лежащий камень вода не течет. Ищите и обрящете, толщите и отверзется...

– Отряди опергруппу покрепче. Бойцов и командиров умелых достаточно. Отпусти меня. Дело знакомое. И опыт войны в горах есть.

– Не воевать иду... – склонил голову на бок к плечу, хотел, как прежде прищуриться. – Вы что, друзья, меня отговорить хотите? Напрасно. Решение принято и обсуждению не подлежит.

Леха нахмурил брови, упрямо наклонил голову, словно собираясь кинуться в драку.

– Рискованно, Стас.

– Жить вообще рискованно. Умереть можно. Если бы все накануне своего рождения знали, что их ожидает впереди, человечество вряд ли дожило бы до этих пор. Демографическая катастрофа. Вселенский катаклизм!

– Зубы не заговаривай. Войтик пойдет сзади, за твоей спиной. Соблюдая всяческие приличия. Отстав верст на десять. Думаю, этого вполне достаточно, чтобы уберечь их от твоего меча...

– Исключено! Даже думать забудь.

– Слав, Алексей предложил разумное решение, – мягко и осторожно проговорил Зорень, хранивший до того молчание. – И нам спокойней, и тебе...

– Мне? А что мне угрожает? Не сочти за обиду, – прервал его Стас и повернулся к Толян. – Сколько в тебе весу, дружище?

Толян пожал плечами.

– Так я же похудел, командир, – виноватым голосом ответил Толян и отвел глаза в сторону.

– Не красней, не девица красная. А я не свататься пришел. Центнер все-таки сберег? Или больше уберег в бесконечных боях и славных походах, не досыпая и не доедая? А на двоих с Лехой уж точно два центнера будет! Попытайтесь меня столкнуть с места...

– Я похож на самоубийцу? Ищи дураков в другом месте, – грубо отмахнулся Леха.

– Тогда ты, Груздень, замени перетрусившегося друга.

– И снова мордой по земле?

– За свой авторитет не бойся. Или я не понимаю, что негоже воеводу мордой по земле таскать, говоря твоими же словами? Даже пальцем не пошевелю. Толкайте! Приказ!

Святое слово подействовало.

– Плечом? Или как?

– Как хотите. Но лучше с разбегу.

– Кончай аттракцион, Стас, – снова проворчал Леха. – Тараканов в твоих руках не меньше, чем у тех, к кому в гости собрался. Утром пойдешь?

– Почему утром? Сейчас и пойду.

– В ночь?

– А по мне, большой разницы нет. Одинаково хорошо, что днем, что ночью. Ночью даже лучше. Не так жарко. И от Купавы отбиваться не надо. Понимаете, ребята, страсть как хочется посмотреть на них. Если это передовой отряд, то что будет, когда придут основные силы? Представить страшно.

– А может, командир, сюда всех отморозков кинули? Беспредельщиков. На понт берут. А наверху вполне мирная братва сидит. На компах по клавише стучат. Бабки делают. Ждут, когда для них поляну расчистят, – Толян говорил раздумчиво, обстоятельно, тоном знающего человека. – Все так делают. А потом реальный бизнес.

– Узнаем, – не стал с ним спорить Стас. – Хотя уверен, что у Лехи иное мнение. Да и Войтик в сомнениях. На лице написано ядреными буквами. Не будем гадать. Увидим, узнаем! И точка. Говорить можно вечно. Груздень, Казторан не забывай. Глаз с него не спускай. Я уже говорил и снова повторяю... Каганатские земли сейчас легкая добыча. Южных соседей видел. Сам говорил, зубастые ребята.

– Серд уже ушел, вождь.

– Тогда я почему стою? Ключом щелкаю, как говорит наш общий любимец Толян. Я правильно процитировал тебя? – с улыбкой повернулся он к парню.

– Когда я так говорил? – удивился Толян.

– А разве нет? Тогда я пошел...

Добродушно улыбнулся и прыгнул в седло, заставив Леху вдогонку сердито проворчать:

– Все заранее продумал. И лук не забыл, и запасной тул со стрелами. И торока продуктами набил.

Веселин провожал его растерянным взглядом.

– Негоже, чтобы один...

Леха злорадно осклабился во всю ширину своего белозубого рта и переглянулся с Зоренем.

– А кто тебе сказал, что один? Так мы и послушались! Обхохочешься... Так, орлы! Слушай боевой приказ! Час на сборы, три на отдых. И в путь. Лучше бы вперед забежать, чтобы

дорогу перед ним почистить. Но не получится. На раз расколет! Поэтому на глаза не лезть, не светиться. Но оберегать надежней, чем свекровка невестку хранит, пока сын в армии! Задача ясная? Я правильно излагаю, брат Зорень?

Зорень без слов кивнул головой.

Парни заулыбались.

– Купава узнает, не отмазаться, – почесал затылок Толян. – Та еще герла.

– И не надо. Пусть с вами едет. Мне одной Златки хватит шею пилить. Жаль, Темного с Хрустом отправил. И Рэд там же. Принц, ты как?

Принц Бодрен пожал плечами. Леха по нервному движению плеча понял, что вопрос обидел сиятельного эльфа.

– Без обид, Бодрен, ладно? Я же не могу тобой распоряжаться как Толяном или Войтиком.

– Перед горами все равно придется выходить на него, – пробурчал Войтик.

– Тогда уже не страшно. Обратно не отошлет.

– Вы сначала доберитесь до этих самых гор...

– Легко!

– Тогда почему стоим? Живо метнулись в лагерь!

Несмотря на улыбку, с которой Стас покинул друзей, на душе у него было беспокойно. А, говоря проще, скребли кошки. И даже не скребли, а рвали нещадно острыми когтями. Ситуация за спиной тревожная. Не их, сам себя убеждал, что орки не пойдут пока. А если пойдут? Сомнут, затопчут сапогами. Отсутствие переправ не остановит. За конскими хвостами переплывут. Вынырнут из дыма лицо в лицо. А вместе с ними, или на плечах у них неизвестное... Заставы Третьяка можно в расчет не принимать. Обойдут. А потом тихо задавят.

Сам понимал, а сейчас, когда ставка осталась позади, особенно остро, что время для прогулки выбрал не самое удачное, но и оставаться дальше тоже было невозможно.

Недобрую шутку с ними сыграла забытая дорога, потревоженная роковым выстрелом Толяна.

Хотя, почему недобрую?

Толян вполне доволен своей судьбой. Бродяжничает с Войтиком. Постреливает без помех, мечом размахивает. И даже с полком вполне справился. Армия и не из таких, как Толян, людей делала.

Леха? И у него все налаживается. Все тип-топ! Заметный карьерный рост и широкие перспективы. Причем на все четыре ветра. Скучать некогда парню. Не драный опер, а далеко заметный государственный чиновник. А женится на своей Златке, и что еще для счастья надо?

Невообразимый мир.

Все до боли родное. Леса бескрайние, поля, луга, реки... Все, как там. Дома. Всего навалом. Все через край. Не тронутое и не пуганое. Заповедник средневековья. Даже рыба в реке такая же. Окуньки, чебачки, пескарики. Есть и посерьезней. На гурмана. Но пацанам и этой довольно.

Порой кажется, что дурных книжек на ночь начитался, а проснуться забыл, да так и застрял во сне.

Эльфы, орки, гномы. Хотя, нет. Гномов еще не видели. Медиумы, экстрасенсы отможенные. Переселение душ. Мертвые с косами, сиречь с мечами. Заговоры, наговоры. Оборотни.

Допустим, правды ради надо сказать, оборотень всего один. Он сам. Винюся, слукавил. Но лиха беда начало.

Хорошо думается в седле.

Мысли текут не спешно. Лениво.

Конь бежит неторопкой рысцей. Чавкают копыта по сочной жирной земле. Уснуть можно.

До чего же все запуталось.

Как в дешевом детективе в бумажном переплете, который рассыпается раньше, чем успеешь дочитать до середины. Из тех, что килограммами продают в киосках на вокзалах.

Загадка с множеством неизвестных. Куда не глянь, везде иксы и сплошные игреки. На фоне исключительно благостной картины и вселенского благополучия. Если не считать таких мелочей, как ожившие из древа дорги. И никакого плана оперативно-розыскных мероприятий. Все наощупь. Народным методом тыка. Как в армии говорилось – по принципу трех «П». Потолок, палец, пол. Еще бы глаза закатить с умным видом, и дело в шляпе. Так нет их. Без них приходится умный вид изображать. И шляпы нет.

И самый огромный икс, это он сам.

Допустим, что-то он и раньше умел. В башке порыться у кого-нибудь при случае без спроса. Или по мозгам ошарашить невзначай. Иногда срабатывало на раз. Но многое, а если уж говорить на полном серьезе, практически все, что вытворяет сейчас без всяких на то оснований и усилий, было для него загадкой. Может, и в самом деле этот мир к тому располагает, как он тогда в шутку объяснил Лехе?

Захотел перекинуться в волка? Извольте! Думал сон, ан нет. Даже самого тянет иногда похулиганить, силушкой потешиться. А почему у Лехи или Толяна не получается? Хотя, они и пробовать не пытаются. А ускорение всех биологических, химических и прочих процессов, которые заставляют действовать его организм с такой скоростью, что, кажется, сердце не выдержит в один совсем не прекрасный момент таких перегрузок. Да откройся у него такие возможности, первым человеком бы в цирке был! Был и нет. Стоял, и как не бывало. А способность видеть, не видя не бельмеса?

Тряхнул головой, отгоняя прочь непрошенные мысли и шевельнул поводьями, посылая коня в галоп. Подумал, что и сам разнежился. Прежде все больше на своих двоих путешествовал. А сейчас на лошадке да на лошадке... Можно и форму потерять. Что поделаешь. Торопился как можно быстрее и дальше удрать. Но с удивлением поймал себя на мысли, что не хватает за спиной сдержанного дыхания Веселина, грохочущего смеха Войтика и болтовни Толяна.

Вряд ли приятелей остановит его суровый запрет, да и Зорень с Лехой... те еще кадры. Форы полдня, не больше.

Улыбнулся, представив лицо Купавы.

Места пустынные. Дорогу еле различить можно. Где-то читал, что во время Ивана Грозного по всей Руси необъятной не больше семнадцати миллионов человек насчитывалось. А здесь?

В полдень сделал короткий привал. Не для себя, для лошади. А на ночевку пришлось останавливаться в лесу. Нашел небольшую полянку вблизи дороги. Разжег костер. Поужинал холодным мясом. И сразу же уснул. Зверей не боялся, в надежде, что с ними сумеет найти общий язык. А люди? Где они?

Проснулся, чуть забрезжил рассвет. Встряхнул эльфийский плащ от росы. Костер давно погас. Стреноженный конь лениво пережевывал душистую лесную траву, изредка всхрапывая и мотая головой.

Съел кусок пресной лепешки и запил ее вином из деревянной баклаги. Попробовал проверить свои вчерашние догадки. Представил Купаву, Войтика. Рассеянно улыбнулся. Эльф явно перестарался в своей попытке спрятать дружную компанию. Мутное неясное пятно висело в нескольких часах пути. Хитер принц, а забывает про пятно.

Зябко передернул плечами. Свежо и роса холодная.

Разобрал поводья, причмокнул по-крестьянски, тронул конские бока каблуками.

«До самой реки скрываться будут, – добродушно подумал он. – А может, подождать? Или в казаки-разбойники поиграть? Пусть ребята повеселятся. Только жаль, что времени нет. Непременно бы стоило проверить, как науку усвоили».

Отдохнувший конь шел задиристым коротким галопом.

Задумался. Снова искал пятнышко.

«Разбудить? Если не громко постучать, даже Толян не обидится, – подумал он и, вспомнив удивленно-растерянные глаза Толяна во время того давнего ночного полета «на плечах» Рэда, беззвучно рассмеялся. – Бог с ними. Пусть спят, не ведая печали».

– Брат, вот свезло. Лошадь сама собой к нам идет! С седлом. А у седла, должно быть, харчи. И всякое такое... – услышал издевательски удивленный голос. – Кривой, поройся. Может, и винцо найдется. В глотке пересохло.

Из-за деревьев выползали, перекрывая ему дорогу, заросшие шерстью до самых бровей образины.

Стас заинтересованно заулыбался.

Колоритные личности. Рвань несусветная. Отстой немислимый. Стоят безбоязненно. Ухмыляются. Щерятся в бородачи.

– Слепец!

Худо с соображаловкой у ребят. Могли бы догадаться, что конь сам собой не ходит. Даже по дорожке.

Копьем сзади подпирают. Копье ржавчиной заросло. Сплошная антисанитария. Надо бы их в науку к Свисту на месяц определить. Он бы научил их за оружием следить. Заодно бы людей из них сделал.

Не спешат. Куражатся. Удовольствие получают по полной программе. А в самом деле, чего им опасаться? Или кого?

Вот и до уздечки очередь дошла.

– Браток, лапки приberi, – миролюбиво предупредил Стас. – Моя лошадка этого не любит. Укусить может. Видите, нервничать начала.

– Братцы, а на коньке кто-то едет.

– Да ну?

Второй нацелил копьё острием под ребра.

Пора было заканчивать эту веселуху. Скоро за ногу из седла потащат.

– Ребятки, а вам не кажется, что вы совершаете непоправимую ошибку? Плакать придется. А я слезы вытирать не умею. И соплю, – мягко и даже ласково проговорил он. – Я знаю, кто вы есть, а вы представления не имеете, кто я и что я могу.

Ответа ждать не стал. Уперся ладонями в переднюю луку седла. Протяжный волчий вой ринувшегося в смертельный бой матерого жоака стаи разорвал зыбкую тишину глухого леса. Неуловимо быстрое движение. Перевернулся в воздухе. И вот он уже за спиной. Остальное легко и просто. Не убивать же ребят за детскую шалость? Сильно кушать хочется...

Спустя мгновение шестеро ражих мужиков лежали перед ним, боясь шевельнуть рукой.

– Я же предупреждал вас, ребята, что не следует лезть в драку не знамо с кем, – посетовал он, сокрушенно покачивая головой. – Будут неприятности. А вы мне не поверили... А по виду – вполне взрослые приличные люди! Как же так? И на мирного, одинокого, практически беззащитного путешественника, да еще с холодным оружием. А если сепсис? Грубо говоря, заражение крови. И со святыми упокой? А мне это надо? Про вас не спрашиваю. Но за себя с полной уверенностью могу ответить...

Отечески добрый голос мог довести до слез кого угодно. Метод проверенный. Его бойцы в былые времена готовы были своей волей и строевым шагом топтать на губу, лишь бы не выслушивать подобные разносы.

Воспитательный процесс в том же ключе продолжался еще с полчаса. За это время «ребятки» вполне пришли в себя и с видимым ужасом таращились на него, все еще боясь пошевелиться. Тихий, полный укоризны голос забирается в косматые головы, заставляя краснеть от стыда даже шерсть на давно не мытых лицах.

– А военная амуниция? – он брезгливо отодвинул ногой давно не чищенный выщербленный меч. – Нет, ребятки, с этой минуты вы решительно и твердо встаете на путь исправления и воинской доблести. Вперед, и с песней к славе!

Решив, что начало вполне достойное, перевел дыхание, сделав многозначительную паузу.

– Ты, господин, вождь волчьего племени? – несмело поднял голову тот, которого звали Кривым. – И стая рядом?

– Хватит валяться, лежебоки. Бока отлежите, пролежни заработаете, – Стас полностью проигнорировал вопрос. – Встать!

Властный командирский голос подбросил «шалунов» вверх.

– Становись! Смирно!

Куй железо, пока горячо. Железобетонный принцип. Пока пребывают в растерянности, из них веревки можно вить. Очухаются, размышлять начнут, сомневаться. А для солдата сомнения – непозволительная роскошь. Вроде поноса, то бишь, диареи.

Начальственно заложил руки за спину. Прошел вдоль короткого строя, больше похожего на тесно сбившуюся кучку плохо оправившихся от растерянности людей. Покачался с пятки на носок, морщась, как от зубной боли.

Толпа, а не бойцы.

Припомнил старшину курсантской роты, который был способен довести до бешенства, до полного обалдения, до умопомешательства своими нравоучениями. Именно в такой последовательности, вбивая в головы все тонкости и прелести воинской жизни.

– Строй, это для вас не где-нибудь, а как раз наоборот, так оно и есть. Строй для бойца – святое место, в котором у каждого свое место, чтобы на нем стоять раз и навсегда для несения гражданского долга. То есть прямая дорога к славе. И никаких поворотов до самого конца. Как храм Господень. Если здесь есть таковые, – с трогательной любовью начал он. – В строю надо стоять смирно и не болтаться в разные стороны, как таракан в коробке, а перпендикулярно с землей. Тело должно находиться строго вертикально к поверхности почвы или другого плаца, например казармы, включая сюда же голову. Ноги и руки направлены вдоль туловища. Подбородок смотрит вверх, глаза находятся впереди, чтобы слушать приказы командира и по распоряжку дня, чтобы идти в баню или менять портянки. Голова бодро откинута назад для придания достоинства и других боевых факторов, чем как раз и отличается от необученного гражданского населения. Услышал команду: «Становись», торопись пулей, чтобы занять свое место в строю. Даже если оторвали от грешного и крайне неморального занятия и других неуставных поступков. А может, даже безобразий для распития спиртных напитков, которые безобразят лицо защитника и бойца распитием этих самых спиртных напитков. Ломи, круши, сметаю все на своем пути...

– А если... – услышал он робкий голос.

– Никаких «если», – решительно и безапелляционно прервал он совершенно неуместный и крайне бессовестный вопрос. – Не можешь лететь, ползи на карачках, на брюхе. Но приползи и займи свое место в строю, как и предписано бойцу. И исполняй гражданский воинский долг. Все ясно? Или ясней больше некуда сказать? Разойдись!

Мужики засуетились.

– Хреновые из вас пули, – недовольным противным голосом проскрипел Стас. – Даже на кривую стрелу не потянете. Жаль, нет времени у меня. А то бы сделал я из вас людей. Тороплюсь... Ну, ничего. Свист выровняет. Становись!

Не только восстать, взроптать не посмели.

Наслышались когда-то бородатые всякой всячины о нем.

– Носочки подравнять. Пузо убрать. Голову выше. Глади веселей!

Непонятные команды, режущий слух командирский голос. Топчутся на месте, пытаюсь угадать, чего добивается от них этот жуткий слепец. Дернула же нелегкая покуражиться над ним. Хорошо, что из кустов стрелами не побили. Волчье племя и мертвым не простило бы.

– Грудь колесом, морду лица гордо вперед, бороды вздеть! Орлы! – удовлетворенно похвалил он, когда появилось перед ним подобие солдатской шеренги. – Слушай мою команду! На пра-во! Кривой, выйти из строя! Поведешь к вершинам воинской славы. По ту сторону реки лагерем стоит армия. Найдешь воеводу Груздня. Скажешь, что я направил для прохождения службы в полку Свиста. Как понял?

– Угу... – проямлил Кривой.

– Не «угу», а «так точно»! Ну, ничего. Свист научит вас Родину любить, – наклонил голову к правому плечу, подумав о чем-то. – И, вот что, Кривой... Чтобы не заблудились дорогой или, не дай бог, не приспичило отстать, присев в кустиках по горькой нужде, мои родичи вас проводят.

Привычно дернулась губа, оскалились острые белые зубы, и жуткий рык, застряв в сердцах, разлетелся по лесу.

– Они сторонкой пойдут, чтобы не пугать вас. Уяснили?

– Угу, – Кривой, забыв всю науку, мотнул косматой башкой.

– К ночи встретитесь с моими бойцам. Ребята они тихие, смирные. Но грубости на дух не переносят. Поэтому вежливо и тактично скажете им, кто вы и куда... И пойдете дальше. Шагом марш!

Кривой осторожно скосил глаза в сторону. Почудились желтые безжалостные глаза... Вздогнул, зябко поежился.

Повесив голову, боясь оглянуться на оставленное в куче оружие, «новобранцы» пошлепали к вершинам неминуемой славы.

– Запевай!

Взревели дикими голосами, распугав лесную живность и разную птичью мелочь.

Саженой через сто в спину ударил недовольный волчий рык, заставивший бедолаг затрусить рысцой, чтобы поскорее скрыться с его глаз.

Стас беззвучно засмеялся.

Поверили, или нет его невинному обману? Дойдут ли? А славно бы было, если Свисту удастся обтесать их. Леха наверняка не обойдет их своим вниманием. Такие бродяги в разведке не последние люди.

Запрокинул голову, и эхо широко и щедро разнесло волчий вой по лесу.

«Кашу маслом не испортишь», – скупое усмехнулся он.

Не касаясь стремени, прыгнул в седло и с места отправил коня в широкий галоп. Упущенное время не вернешь, но стремиться к этому надо.

Время, время, время...

Вечный цейтнот!

Не погоня за неведомым врагом, не скачка за приключениями, а бег за временем.

Больше никаких остановок, решил он. Прочь от соблазнов. Только вперед!

И несет конь, упрямо встряхивая гривой и со злобой вгрызаясь в безжалостные удила. Проносится во весь опор через села и веси, заставляя удивленно оборачиваться мужиков и баб, отскакивать в сторону детвору. Диво дивное. Не приходилось раньше такого видеть, чтобы слепец, словно зрячий на коне так скакал. К тому же за плечами рукояти мечей торчат. А еще и третий меч к седлу приторочен. Тут же у седла лук в саадаке, а по другую сторону два тула, битком набитые стрелами. И несется слепец так, словно у него не два, а четыре глаза...

Короткий отдых, и снова вперед, вперед, вперед... И так день за днем.

До реки уж было рукой подать, когда дорогу перегородило разлапистое дерево. Придержал коня, подумав, что само по себе на дорогу упасть не могло. А если все-таки упало, значит, это кому-то надо.

На дорогу один за другим вышли пять человек. Остальные не выходят. Осторожничают. Следят, скрываясь за деревьями. Луки внатяг, стрелы на тетиве. Эти куражиться не будут. Народ тертый. Переговоры не только неуместны, но излишни и вредны.

Вскинул коня на дыбы, толкнул вперед в гигантском прыжке. Прыгнул с седла и сразу перекатился в сторону. Ошеломленные неожиданной дерзостью одинокой и, казалось бы, легкой добычи, налетчики не сразу заметили его. А когда заметили, пятеро уже тихо лежали на дороге. Его ножи, как и прежде, не знали промаха.

Те, что прятались за деревьями, потеряли его из виду. Внимание на короткий миг отвлек конь Стаса, который бушевал и бесновался на дороге, превращая безжизненные тела в кровавое бесформенное месиво.

Ему же этого времени хватило, чтобы оказаться у них за спинами. Свистнули в его руках мечи. Полыхнуло холодом голубое сияние...

– Долго еще не переведутся дураки на белом свете, – с досадой проворчал Стас. – Бывает, что и один в лесу воин. Сами виноваты. Только дерево понапрасну сгубили, немощь белая!

Зацепил вершинку арканом. Конь налег грудью, уперся ногами, стягивая лесину с дороги.

– Молодчина! Люди спасибо скажут, – похвалил он коня, поглаживая жеребца по дугой выгнутой шее, чтобы успокоить. – Дымком пахнет, жилье близко. Разбойнички далеко от жилья не уходят. Кормиться чем-то надо. И тебе тоже... Может, в хорошие руки пристрою? Не оставлять же тебя в лесу?

Лес между тем редел.

Вблизи опушки «увидел» приземистую избушку. Срубленная неизвестно когда из матерых стволов, она от старости уже выросла в землю. Из-под крыши, крытой дерном, и из всех щелей к небу поднимался дым. Перед домом в десятке шагов неуклюжая уродина, вырубленная из огромного бревна. Похоже, скульптор пытался изваять Рода или родственное ему божество. Не его вина, что получился тихий ужас. Бог на то и бог, чтобы вселять в людские души благоговейный страх. Поэтому совсем не обязательно лепить из него красавца. Если так, тогда автора трудно обвинить в отсутствии творческой оригинальности. И мысли, если быть точным. И справедливым.

За избой чернеют на фоне густой лесной растительности грядки.

Немного дальше, в углу крохотного огорода, притулилась сараяшка, сплетенная из хвороста. В старых русских деревнях до сих пор можно встретить изгороди или прясла, изготовленные подобным способом. В некоторых местах стены сараяшки торопливой рукой были вымазаны глиной. Все немудреное хозяйство окружено изгородью в две жердины.

В воротах стоял невысокий крепенький дедок. Обветренное до черноты лицо деда украшала пегая реденькая борода, опускающаяся почти до пояса. Такие же пегие волосы были стянуты сыромятным ремешком. Руки опираются, да нет, не опираются, возлежат на посохе, украшенном уменьшенной копией страхолюдного божества. И вышла эта красота из-под руки того же мастера, о чем свидетельствовала их похожесть.

Слезящиеся глазки поглядывают из-под кустистых бровей умно и живо.

Волхв, хоть к доктору не ходи. Кому же еще в этой глуши обитать? К тому же отшельник. Нашего-то волхва к цивилизации, в политику потянуло. Духовные ценности не смогли до краев заполнить его необъятную душу.

– Угадал, Волк! – сварливым голосом встретил его старик. – Отшельник и есть.

– Здрав будь, дед! Приютишь на ночь? – Стаса не удивила столь необычная встреча.

– От здоровья не откажусь. Оно мне к самой поре бы пришлось. Дряхлею... Ты с лошадки-то спустишься, спустишься. Тяжеленек ты для нее стал. Вот уж кому здоровья желать – только изгаляться, Волк.

– Почему Волком кличешь? – Стас вышагнул из седла, бросив повод на конскую шею.

– Кто же ты, как не Волк? Может, думаешь, что солживил? Так я тебя еще вчера увидел, а стая твоя следом идет. К утру как раз здесь будет. А поторопятся, так и того раньше. Может, и к каше поспеют.

– На двух или на четырех ногах? – усмехнулся Стас, с любопытством всматриваясь в лицо деда.

Дедок ему понравился.

– А и те, и другие на четырех... – смехом ответил ему старик. Кивнул в сторону деревянной кадушки. – Ополоснись с дороги, да и проходи в мою берлогу.

Смотрел, как плещется гость и понимающе кивал головой.

– Гли-ко, как устроилось. Вроде, как бы глаз нет, и вроде, как бы есть. Так оно и понятно. Огонь взял, огонь дал. Огонь и вернет, но с огнем и потеряешь. Если Роду угодно будет.

Бормочет сивобородый не разбери что.

– Сам-то понял, что сказал?

– А мне на что? Плету, что на язык падет. Кому надо, тот разберет, – кольнул мутными глазами, улыбнулся сквозь сивую бороденку, обнажив на удивление крепкие зубы.

– Зовут-то тебя как? – Стас улыбнулся в ответ. Дед ему понравился.

– Рукатерник на углу висит. Оборотись. А имя что? Звук, и только. Вылетело, и все. Нет его, – с той же улыбкой ответил дед и кивнул в сторону истукана. – Ему нужней, чтобы я его помнил. Не забыл, как его зовут.

– Оригинальный ты товарищ, однако.

– Какой есть. А звать? Не забудешь коли, так кличь Почаем. Помнится, прежде так звали. А может, и не так, разве упомнишь все? Сколько зим с той поры минуло.

Толкнул рукой низкую дверь. На улицу вырвались клубы дыма.

– Кровь стынет. Старею, должно быть. Вот и топлю. Сейчас протянет.

– Трубу выведи...

– А на что мне она, труба? Труба – ведьмина дорога. На кой они мне, ведьмы? Им только волю дай. Распознают, спасу не будет. А я и в молодости не охоч был до этого семени. Теперь же и на дух не надо. Заходи уж. Что на дороге стоять?

– Так ты что, с ведьмами соседствуешь? – Стас старался сохранить серьезный вид, чтобы не обидеть старика невольной улыбкой.

– У-у-у! Тьмы этого добра! По ночам так и летают, так и снуют туда-сюда, туда-сюда по-над избой. Известно, одичали без мужского полу. Ну, бывает, появится когда-никогда леший или иная какая образина. Так от них какой резон? Ведьма, она с какой стороны на нее не погляди, а все равно баба. И обличьем, и другими разными нужными местами. А бабе от мужа только одно и надо. Срам один...

– Так они к тебе, дед Почай, может с голубой душой и без задней мысли? Чайком побаловаться. Посплетничать по-соседски.

– А мне от них и передней не надо, не только что задней! – отрезал старик. – Не вводи в искушение, а то брякну, что ни на есть в запале, потом вовек не расхлебать. А тебе это не надо?

– Не сказал бы, – честно признался Стас. – А можешь?

– У-у-у! – удрученно протянул Почай, вытянув губы в трубочку. – Еще и как! Но уж помене, чем в молодые годы. Должно быть, старею все-таки. А по молодости удержу не было. Силищи не впрокорот. К тому же горяч был. Хотя... Толи днесь, толи надесь... Вот едрит твою за опояску. Память дырявая, как решето у худой бабы. Только-только в ум входить начал, так память...

Но что такого необычного натворил этот словоохотливый старик днесь или надесь, дослушать не довелось.

– Протянуло! Чуешь, как свежо стало? Жилым запахло. А ты, баял, трубу ведьмину выводить! – подергал носом и мотнул головой. – Заходи...

В избе дым слезу выжимал. С потолка сталактитами свисала сажа. Стены отливали вороением.

С противоположной стороны в стене прорублено оконце, закрытое наполовину волоком.

Кроме дыма, в избе стоял стойкий запах сухих трав, пучки которых во множестве свисали между сталактитами с потолка и закрывали стены.

– Не боишься, что твои любвеобильные соседки в окно полезут?

– Окно им без надобности, – отмахнулся волхв. – Скажу им слово, и сгинут, в прах оборотятся. Разболакайся. Ишь, железом как увешался. Тела незнатко. А я твою лошадку обихожу.

– Не сладишь ты с моей лошадкой, – попробовал остановить его Стас. – Не любит чужих рук. Укусить может, а то и ногой поддеть.

– Где же ты, милоч, чужие руки увидел? Мне любая тварь в родне. Или не видел перед избой моего кормильца? – решительно отмел его сомнения Почай и скрылся за порогом. – Род ему имя. И все, кто под его небом ходят, ему детки, а, значит, и мне в родне будут. О двух ли, о четырех ли ногах ходят. А то и вовсе на голом брюхе ползают. А в родне почто друг на друга зубы скалить? Бывает, конечно, и рассваримся. Не без этого. И за бороду друг друга отгаскаем. Но только так, чтобы не душевердно.

Лопочет старик себе под нос. Привык в одиночестве сам с собой разговоры разговаривать. Поперек никто не молвит. Что не скажи, все к месту. Конь отвечает тихим сдержанным ржанием.

– Если бы за бороду, – покачал головой Стас.

– Это ты про тех, к кому стопы направил?

– Скорее, копыта. Ох, и слух у тебя, однако.

– А мне без надобности. Я порой и то слышу, что и сказано не будет. Так те не в Роде живут. У них свой бог. Черный. У нас когда-никогда тоже был такой. А потом пропал куда-то. Может, и живой, но я не знаю. Тоже лютовать любил. Хлебом не корми, дай потешиться. И пря кровавая, и зависть, и жадность... Слов не хватит.

– Будто сейчас нет?

– Есть и сейчас, – старческий голосок дребезжал в мозгу. – А наш Чернобог, я думаю, к казарам в земли подался. Там лютует. Где кровь, там и он.

– Казария наша теперь.

– Про то слышал...

Стас порылся в памяти.

– Так и он в родстве Роду приходится.

– А что ты думаешь? В нем тоже всякого места намешано. В Роде... Ты в лик его заглядывал?

Стас помотал головой.

– А ты загляни. Спать не будешь. Страсть, да и только. Спяну не привидится. Только он ведь как рассудил? Вот это белое – мне, а черное...

– Людям?

– Не должно бы. Род – старик мыслительный. Это мы сами по человеческой жадности себе хапнули. Чтобы соседям не досталось. Дай, думаем, схватим, а там поглядим, на что сгодится. Жадность, она ведь тоже от него в мир пришла.

Дед Почай появился в дверях.

– Сейчас и хлеба-соли не грех отведать. Лошадь – тварь бессловесная. Сама не попросит. Язык толстой, непослушный для человеческого слова.

Повозился у печи, гремя ухватом. Ловко выметнул на стол закопченный горшок немалой вместительности. Ударил в нос запах хорошо пропаренной каши и сочного мяса.

– Скоромным не брезгуешь? – заулыбался Стас. – А я думал, в отшельничестве травкой пробавляются для просветления ума и чистоты духа. Чтобы высокие мысли в голове селились.

– Как бы не так! Полежут они, когда брюхо от голода стоном стонет. Жди! И какой резон ему меня голодом на траве морить?

– Трудно оспорить, – охотно согласился со стариком Стас. – Есть в этом доля сермяжной правды. Знавал я уже одного такого страстотерпца, так у него брюхо под рубаху не влезало.

– Да не заглядывает он под рубаху. На что ему там глядеть? – нетерпеливо пробурчал Почай. – Страм один. И оборотился он у меня в другую сторону.

– Ловок...

– Ловок, да не ловчей тебя. Ты вон по звездной дороге проскакал и копытом не звякнул.

– Да, только копыта чуть не отбросил.

– Ну да, под твоими копытами половицы повизгивают. А они у меня из половинных плах складены, – дедок довольно хохотнул и с видимым отвращением подул на кашу. – Усо-вестил-таки. Ложка в рот не лезет.

Стас, не удержавшись, расхохотался.

– Твоя ложка и моему Войтику в рот не полезет. А этот малый любит покушать.

Старик вспыхнул, но не выдержал и тоже рассмеялся.

– Это тот облом, который идет следом за тобой?

– Других не держим. Разглядел?

– Вот еще! – с обидой отозвался Почай, отлавливая рукой в горшке шмат мяса на косточке величиной с ладонь. – А твои волчата здесь будут, не успеешь кашу дохлебать. Если поторопишься, может, и успеешь.

Но Стас уже отвалился от стола к стене.

– Нет уж спасибо. За тобой все равно не угнаться.

– Ты бы на меня раньше посмотрел. Витязь, одно слово. Еруслан! – расхохотался Почай. – Меду, браги не держу, а молочком угощу. Добрые люди не забывают. Приносят.

– Не тоскливо одному?

– А разве я один? Птицы песней по утрам радуют. Лес сказку на ночь рассказывает. Звери вести приносят. Какая ж тоска? Да и люди порой заходят. Кто с бедой, кто с радостью.

– С бедой понятно? А с радостью?

– Так они всегда рядышком ходят. Одна без другой жить не могут. Попробуй, разлепи. Так и бредут о двух ногах.

– И не споткнутся?

– А ты попробуй хоть едину подпорку выдернуть...

Стас промолчал, пытливо вскинув голову на волхва.

– Не простой ты человек, дед Почай.

– А разве ты прост? Звездой начал, звездой закончишь... но не окончишь...

– Загадками говоришь? Прибаутками? Говоришь, да не договариваешь.

– Отчего же? Все ясней ясного. Могилки твоей я не провидел. А заглядывал так далеко, как только мог. Даже жутко стало. Стая разве хранит?

– Стая, как стая... – недовольно пробурчал Стас.

– Не туда зришь. Ты очи к небу прими, тогда и разглядишь, – с укоризной пробормотал Почай. – Что под ногами увидишь?

– Шutiшь?

– Отродясь не шучивал. Со стаей разве можно? А вот как стемнеет, так и подними голову, – оторвался от печи волхв. – Вот и большеротый твой. И мимо не проскочил. Проголодался. Изрядно ты наследил на дороге, Волк.

– Зови уж Славом, как все.

– Можно и Славом. Язык не отсохнет.

Застучали за стеной подковы. От грохочущего гласа Войтика и за стеной не скроешься.

Распахнул двери, уперся ладонью в косяк.

– Ты мне стенку ненароком не свали, – забеспокоился волхв. – Развалишь избешку, а мне на улицу?

Пропустил мимо ушей.

– Так, так... Продолжаем нарушать безобразия, судари мои? И командир вам уже не командир, а пришей-пристебай? В смысле, кобыле хвост? Или как? – лексикон старшины Пискуна пришелся в самый раз для этой содержательной беседы. Добавил голосу сарказма. – Так скоро начнем и водку пьянствовать?

– А есть? – быстро отозвался Войтик, с неподдельным интересом разглядывая волхва.

– Гонишь, командир? Или прикалываешься? – Толян живо выпрыгнул из седла и с ходу сгреб его в объятия.

– Ох, и нежная у тебя душа, Толян, – на лице принца появилась добрая улыбка. – Уступи вождя Купаве. Она от нетерпения уже каблуками цокает.

– Да я чисто по жизни, типа, – смутился парень, с неохотой выпуская из своих лап Стаса. – Пусть обнимается. Какой базар? Не жалко. Мы же земляки.

Купава уже не робела. Подпрыгнула, повисла на шее. Прильнула губами.

– Веселин, а ты что, рыжий? Падай на командирскую грудь, – улыбнулся Стас.

– Я маленький, что ли? – ломающимся баском отозвался, багровея, Веселин. – Пусть Купава целуется. Или Толян...

– Правильно, Веселин. Ух, как кашей пахнет, – Войтик нагло потянул воздух, раздувая широкие ноздри. – С ног валит. Хозяин, не поверю, что вождь со всем управился. Он у нас не жоркий. Аки пчела, или птица небесная – клюнет, и сыт...

Почай ехидно сузил глаза.

– Может, и птица, но клюв велик. Но и тебе, детинушка, осталось. Не все склевал.

– Тогда почему стоим? Зови к столу, – заторопился Войтик. – Купава, отлепись от вождя. Солнце село ниже ели...

– Войтик!

– Не дурак! Сам понимаю. Святое место. И все такое прочее. Время спать, а мы не ели. У Толяна научился. А у него, что не слово, то в цвет, – успокоил его Войтик, забираясь на тесную лавку. – Толян, принц... ну, и ты, Купава, тоже садись. А ты, Веселин, что зазевался? Стоишь, как неродной. На Купаву не гляди. Она вождя глазами ест, тем и сыта. А если еще и облизнет, так на неделю хватит.

Загремела ложка о горшок.

– Подуй, соколик, на ложку, – заботливо посоветовал хозяин. – Спалишь нутро. Горшок из печи.

– А нам ничто. Пока сверху донизу докатится, остынет, – отмахнулся Войтик, вытирая невольно выступившую слезу. Почай с советом припозднился, – в самой силе кулеш.

Почай остановился на пороге, обернулся.

– А вон и стая твоя, Волк, – ткнул пальцем в небо, на котором появились уже первые блеклые звезды. – Сверху на тебя взирает.

Стас задрал голову.

К своему удивлению, увидел сквозь повязку неясное мерцание. Что-то до боли знакомое увиделось в этой тусклой россыпи звезд.

Созвездие Гончих Псов? Далеко же занесло нас. Но почему псы спешат не в ту сторону?

– Признал?

– И что? – равнодушно отозвался Стас, переступив через порог.

– Тебе лучше знать. Твоя стая. И не у каждого стая по звездной дороге на охоту ходит. Может, и для тебя торит?

У Войтика от неожиданности ложка между зубов застряла.

– Брателлю, или проглоти, или выплюнь. Подавишься, не отхлопать. По твоей спине не ладошкой, лопатой хлестать надо. А я ее по близости не вижу, – добросердечно предупредил Толян. – Прикалывается дед. Хотя с нашим командиром любой базар в масть ложится. Я на все эти заморочки давно уже плюнул, иначе бы крышу ветром унесло. Или аппетиту капец пришел. А в воинском деле без этого никуда. Иначе говоря, ни ногой.

– Без крыши? – машинально спросил Войтик, на всякий случай торопливо проглотив кашу.

– А мне она по барабану. Лишь бы хавчик был, – легкомысленно ответил Толян, дробя зубами сахарно хрустящий хрящик. – Мне и командирской крыши хватит. За глаза и за уши. Сончас, командир?

– После каши на подвиги не тянет?

– Не. На сон напряг, – честно признался Толян. – Подвиги и до утра подождать могут. Куда они от нас денутся?

По многозначительному молчанию отряда догадался, что Толяна поддерживают единогласно. А Купава даже задержала дыхание, мучительно ожидая его командирского решения.

– Пусть будет сончас. Ребята мы ушлые, и драную козу за хвост поймать сумеем. А уж подвиг и мимо не прошмыгнет. Нам их только подавай, – усмехнулся Стас.

Волхв за все время не проронил не слова, следя за ними внимательным пытливым взглядом.

– А судьбу свою на сон грядущий узнать не хотите ли, соколики? Я волхв знающий. Издалека люди приходят, чтобы судьбу свою сведать...

– Не, дед. Я лучше отобьюсь. А про нашу судьбу командир все знает, – Толян решительно отмел его поползновения. – Наговоришь, переживать начну, думать. Голова заболит. А мне, типа того, это надо?

– Если голова заболит, тогда конечно, – согласился волхв, изумленно поднимая брови до середины лба. – А ты, мудрый эльф, не желаешь ли узнать про свою дорогу?

– Моя дорога давно волчьим следом бежит... – почти без раздумий неспешно ответил принц. – Может, когда и выведет на тропинку к дому.

Глава 4

– Четыре дня и четыре ночи облезлой кошке под хвост, – ворчит Войтик, с ненавистью глядя на противоположный берег. – Куда не сунься, там и стрела припасена.

Стас обернулся на голос.

Войтика понять не трудно. Отвык от неудач. Хоть и с битой мордой, а все в героях.

Перевернулся на спину и закинул руки за голову. В зубах стебелек от травинки. Гоняет его туда-сюда. Как в тот давний и почти забытый вечер.

Рядом Купава. Уперлась подбородком в кулачки, заглядывает в его лицо и нет девке никакого дела до противоположного берега. Серый косит в ее сторону желтый холодный глаз и ревниво ворчит.

Толян перекатился на живот.

– Командир, что-то я не догоняю. Это какая же у них дорога была, если их столько набежать успело? Целая прорва. Я все плечи ободрал, когда за тобой по пещере пер. А в дырке вообще чуть не застрял.

– Толян, не бери в голову, разболится, – лениво посоветовал Стас, но понял, что советом не отделаться. – Коридор только в самом начале, а потом хоть шесть «джипарей» в ряд.

– Хаммеров?

– И их тоже.

Толян снова откатился в сторону, чтобы обдумать ответ, изредка бросая недоверчивые взгляды в его сторону.

– Все равно не въезжаю, командир, – круглая голова снова рядом. – У дырки пробка не впротык набьется.

Застряла Толянова мысль в космических высотах и выскочить не может. Или не желает. Что, собственно, одно и то же...

– Напором выбросит. Как воду из сливного бачка, – на доступном уровне постарался разъяснить Стас.

И Толян откатился снова, стараясь представить размеры сливного бачка, способного выплеснуть такую прорву орков. Или «джипарей»?

– Что-то надо делать, Слав, – шепчет Бодрен. – Как не крути, а Войтик прав.

– Что-то надо, – не согласиться с принцем невозможно. Реально мыслит. Прямо в корень, можно сказать, проблемы заглядывает. Только разглядеть не может.

– Командир...

– Толян, у тебя появилось время на абстрактные вопросы? Так, может, вернешься к своему полку? Там всего хватает. И вопросов. И ответов.

Прозрачный намек пролетел мимо цели.

На пути Толяновой любознательности пора было выстраивать надежный заслон.

– Веселин, а не пора ли нам пора?

Толян моментально перекатился к Веселину.

– Веселин, братан, гони мой хавчик.

– Так на чем мы остановились, милый принц? Говоришь, пора что-то делать?

Принц кивнул головой.

– Почти неделя...

– Для поиска, мой добрый принц, это нормальное явление. Мне приходилось и дольше искать лазейку.

– Но, может, тебя тогда поджидали?

– А кто вам сказал, что сейчас не ждут? Думаю, уже и стол накрыли...

– Командир, – у Толяна в кулаке копченая рыбина с Почаевского стола, в другом ломоть хлеба из тех же источников. – Контора Рэда была баще нашей дырки в Сумеречной горе, но шесть «джипарей» в ряд все равно бы не пролезли.

– Сам просек?

Богатырским усилием глотки Толян протолкнул внутрь громадный кусок рыбины.

– Угу... на раз!

– Вынужден признать ошибку, земля. Дал маху. Погорячился с «джипарями».

Удовлетворенный победой над командиром, Толян целиком и полностью отдался делу уничтожения несчастной рыбы.

– Четверо суток не срок, – задумчиво, словно сам себе, проговорил Стас. – Срок, это когда бьешься башкой, как муха в стекло... Морда в кровь, башка в лепешку, а на стекле не трещинки. А сейчас, считай, романтическая прогулка. Ужин при луне. Дружеская беседа. Кузнечики тренькают. Рыба в реке плещется. Жаль, удочки не взяли.

В голосе появились мечтательные нотки.

– А кто мне сказал? У меня где мысли витали? Там же, где и у Толяна. Все о высоком размышлял. А счастье вот оно! Здесь, на грешной земле. На этой травке. У этой речки. Под этим синим небом. Построить бы домик и ничего больше не надо. Купава, тебе как? По душе картинка?

– Гарью тянет. Аж, в носу свербит, – шепотом пророкотал Войтик.

– Примитивный ты человек, друг мой Войтик, – Стас с сожалением покачал головой. Получилось неважно. Мешали ладони, на которых она все еще покоилась. Но подниматься было лень. – Вся красота в твоих ноздрях запуталась.

– Твоя красота сейчас, командир, в брюхе у Толяна нежится.

– Да, рыбка по кайфу. Умеет дед покушать. А на лицо не рассмотрел. Его на голове не было.

Стас прислушался, приподнялся на локте.

– Чье лицо?

– А той рыбы... – безмятежно отозвался Толян, поглаживая свой живот.

– А где оно было?

– Откуда мне знать? Спроси у Веселина. Он хавчик раздавал. Да ты не парься, командир. Она так еще вкуснее. А то глаза выпучит и даже не моргнет. И смотрит.

– Куда? – подключился к беседе эльф.

– Не спрашивал, но думаю, что туда, куда лезет. В рот. А я не люблю, когда в рот заглядывают. Могу подавиться, – добродушно пояснил Толян. – Искупаться бы, командир. Вода сейчас!

– Издеваешься?

– Не понял!

– Это я первый хотел сказать, – беседа с Толяном доставляла Стасу истинное удовольствие.

– Ну, и говорил бы. Я же не мешал.

– Так я и говорю. Утром и искупаемся.

– Лучше сейчас. Утром вода холодная.

– Зато не вспотеешь.

Войтик ползком выбрался из прибрежной травы.

– Не въезжаю, командир. То ты рыбу ловить собираешься, то купаться, – недовольно проворчал он. – Веселин, гони мою пайку, пока Толян и с ней не расправился.

– С рыбалкой придется подождать до лучших времен. А искупаться и в самом деле не мешает. Потом пропахли. Ты как, Бодрен?

Принц что-то смекнув, придвинулся поближе.

– Придумал?

Стас согнал с лица улыбку.

– Подниметесь верст на пять по реке. И ждите сигнала.

– А ты?

– А я с родичами...

– Опять отмазаться от нас хочешь? – Толян не смог скрыть своей обиды.

– Толян, они видят только меня. Вы им до лампочки. И пока мы вместе, путь на тот берег для нас закрыт, – приподнялся и решительно пресек все возможные вопросы. – Ребятки, вопрос закрыт и обсуждению не подлежит. Затаитесь, и до сигнала не гу-гу. И над водой только ноздри держать. И, ради бога, шепотом... шепотом. Хвостом по воде не шлепать! Слышал, Толян?

Купава сжала кулачки. Полыхнули карие глаза.

– Я с тобой...

– Исключено!

– Но вождь!

– Я сказал, исключено! Сразу от берега броском в горы. Я вас догоню. Войтик, поножовщина и мордобой исключаются. Застрянете!

– Командир, а сигнал?

– Увидите. Или услышите. Я стучать буду громко. Правда, Старый? Чтобы услышали, – наклонился к Волку, почесал за ухом. Верхняя губа поползла вверх.

Волк поднял голову и коротко проворчал.

– Вот и славно. Через час выходите. По ночной поре как раз ко времени успеете. Купава, возьми мой плащ. Не думаю, что поможет, а вдруг пригодится? Чисто символически.

С отвращением выплюнул стебелек, стряхнул с губы травинку.

– Эх, закурить бы! Леха, гад такой, только растравил своей сигаретой. И погода располагает к последней сигарете перед сном.

«А ты пальчиком пошевели, – раздался в мозгу вкрадчивый голос. – Может, и закуришь. Или нет... Как шевельнешь. Сила Великого огня безмерна».

– Издеваешься?

«А почему бы и нет? И все же, попробуй».

– А что? Рискнем, пожалуй...

«Так рискни».

Пошевелил рукой, стиснул двумя пальцами невидимую сигарету.

Почему невидимую? Вот же она, дымится.

Затянулся с удовольствием, кольцами выпуская дым.

– И от комаров помогает, – пояснил он, ощутив на себе ошеломленные взгляды. – Их вечерней порой тучи. Зазеваешься чуть, до костей огложут. Даже посадку не запрашивают, сходу садятся.

– «Сила Великого огня безмерна – власть твоя будет безгранична».

– Отступное за мои глаза?

– «Не велика потеря. Я же живу».

– Спасибо. Утешил.

– «Да ради бога. Сколько угодно».

– Успел запомнить?

«С кем поведешься».

Милую беседу прервал голос Толяна.

– Командир, ну ты вааще... У меня одни междуметия! Чума! А с колбасой приколы получаются? Мне бы хоть кральку краковской. С чесночком!

– Толян, колбаса и рыба в одной реке не водятся, – Стас попробовал остудить его пыл.

– Сколько той рыбы было? И не рыба это вовсе. Килька сушеная, – Толян подвинулся поближе и пытается заглянуть в глаза под черной повязкой.

– Толян, не искушай. И вообще, на ночь наедаться вредно. Кошмары сниться будут. Хочешь сигарету? – пыхнул в лицо ароматным дымом.

– Мне же не спать!

– «Жалко тебе? Все равно не твое, – бормочет ехидный голос. – Пусть жрет. По крайней мере, с вопросами не лезет».

– Ну, да! Ему колбаса, Купаве духи. А что Войтик запросит, ты знаешь?

– «А тебя жаба давит»?

– Ты где такого нахватался?

«От тебя, родимый, от тебя. И друзья твои подучили. Жил, темнота, света белого не видел. С тобой только и вздохнул. Порадуй ребенка. Живет, как может. От счастья светится. И сам не знает, кто такой. И что его впереди ждет»!

– Командир, не жмись... – нудит Толян. – Мне же в холодную воду не лезть!

Глаза горят, из пасти слюна капает.

– Толян, ей-богу, я не при делах. Ты и сам можешь. Протяни руку и хватай. Только не забудь вежливо попросить.

– У кого?

– Тебе не все равно?

Толяну и в самом деле было по барабану, у кого просить. Вытянул ручищу с растопыренной ладонью, больше похожей на совковую лопату и закатил глаза. Задвигались по-детски пухлые губы.

На ладонь плюхнулось кольцо остро пахнущей чесноком копченой колбасы.

– А еще можно?

– Хорошего понемногу. Дай откусить Старому.

– Мне и самому на один зуб, – прооручал Толян, отхватывая кусок колбасы. – Ну, хорошо, держи, Старый.

На лице Стаса появилась добродушная улыбка.

– А я думал, ты обратную дорогу спросить пожелаешь?

– А у меня, типа, крыша протекает? Или как?

– Там бизнес. Братки... Бабки.

– А я и здесь живу, как при коммунизме. На полном гособеспечении, – прочавкал Толян. – Войтик, хочешь откусить?

Стас согнал улыбку с лица.

– Шоу окончено. За работу, бойцы. Толян...

Толян с сожалением посмотрел на колбасный хвостик и протянул волку.

– Держи, елы-палы. Когда еще обломится?

Купава затихла, даже дышать перестала.

– Хитрить изволите, барышня?

Вздохнула, поправила мечи и нерешительно шагнула вслед за Веселином. Оглянулась, замерла, все еще надеясь, что Стас позволит ей остаться.

– Собирай братьев, Старый. Пора и нам.

Метнулся через голову, упал на четыре ноги. Свирепый могучий волк с черной, словно приклеенной, повязкой на глазах встал перед волчьей стаей. Грозный рык огласил окрестности, прогремел над затихшей рекой.

Замер на полушаге Войтик. Прислушался.

– Поспешим, братья. Командир уже потянул, – тихо сказал он. – Как бы не опоздать.

Серая волчья тень бесшумно подошла к воде.

Стас чисто по-человечески попробовал лапой воду, стряхнул капли. И шагнул вперед. Плыл осторожно, тихо загребая лапами воду. Если бы чей-то взгляд упал на воду, то кроме тени от проплывающего над водой облака вряд ли что разглядел.

Стая клином вытянулась за ним.

Лапы коснулись прибрежного песка.

Не отряхнувшись, нырнул под низко нависшие над берегом кусты и исчез в ночи. И прочь, подальше от реки. Чем дальше, тем лучше. Ноздри чутко вздрагивали, втягивая ночные запахи.

Рядом пристроился старый лобастый волк.

Стас коротко рыкнул, и старый волк, послушно отделив половину стаи, повернул в сторону. Проходил час за часом. Утро сменило ночь. Пролетел день. Снова незаметно наступила ночь...

Впереди послышалось лошадиное ржание.

Стас запрокинул голову, и мрачная волчья песнь разорвала ночную тишину. Вожак вел стаю на охоту. Стая ответила его призыву. Радостно и грозно.

И Старый отозвался беспощадным рыком, который, казалось, прорвался до предгорий.

Только бы Войтик не поторопился.

Вылетел на конский косяк. Сбил широкой грудью табунщика, рванул клыками горло.

А стая уже гнала обеспамятевший от страха табун прямо на селение.

Мало! Не та потеха!

Щелкнул зубами. И еще половина ушла в сторону. От грохота конских копыт уши ломит.

Уже несколько сотен одуревших от волчьего воя лошадей несутся на селение.

Поравнялся с головным жеребцом.

Жеребец косит глазом, вскидывает зад, предупреждая атаку, пытается сбить копытом. Остановишься, собьют с ног, затопчут. Забьют копытами.

Оттолкнулся от земли, растянул послушное тело в прыжке, перекинулся через голову и слился с лошадью уже в человеческом обличье.

Запах волка ударил от волчовки в лошадиные ноздри, а человеческие ноги сжали бока в смертельном объятии. Не скинуть, не раздавить, не убить, не искалечить!

Ударом кулака в голову направил жеребца прямо на жилища орков.

Отлепился от конского крупа, выпрямился, выкинул туго сжатый кулак вправо, раскрыл ладонь. Выплеснулся огонь на соломенные крыши.

И еще раз!

Радостно заиграло пламя. Заплясало, веселясь, с крыши на крышу. Затрещало, захрустело соломой, пожирая убогие жилища. А в огне металась ничего не понимающая спросонья люди.

А мгновение спустя на полыхающее селение обрушился конский косяк.

Вскинулся на конский круп ногами, оттолкнулся, что есть силы и полетел кувырком через голову за пылающий дом.

Преображение происходило сейчас с ним легко и просто, и практически без болевых ощущений.

Упал, мягко перекатился на бок. Бок обожгло огнем. Запахло паленой шерстью. Не до нежностей.

А ноги уже уносили из горящего селения матерого волка в сторону гор. И на его зов собиралась стая, выносясь из пламени пылающих селений.

Оглянулся. Фыркнул.

– Толян сказал бы, плющит. И колбасит, – вздохнул. – Но вот беда. Я не Толян.

Запрокинул голову, запел, подзывая Старого. И снова, опустив голову до земли, тяжелым скоком направился к предгорьям, забирая вправо.

Услышал еле слышный шорох.

Оглянулся. Из кустов беззвучно выпрыгнул Старый. Клацнул зубами и пристроился рядом.

Бежали день, а затем и ночь...

Войтик умело вел свою группу, отметил он. Не наглеет, но и не скрывается. Ведет почти по прямой. Практически по огородам. Там, где искать не будут. А при случае можно и отскочить незамеченным.

На бегу обернулся, вздернул губу. И снова Старый отделил половину стаи. Увести погоню, если появятся охотники – святое дело. Понять не трудно. Сам бы не утерпел на их месте.

Только он не на их месте. А совсем даже наоборот. Как бы сказал все тот же Толян. Или не Толян? Совсем запутался с этими переодеваниями.

Ноздри жадно втягивают утренний воздух.

Отряд где-то уже близко. Еще бросок, и снова вместе. Привык видеть их всегда рядом, даже тогда, когда и рядом-то нет.

Замер, почти зависнув в прыжке.

И лобастый вскинул голову на могучей шее. Глаза, как угли пылают. Не видит глаз, а догадывается.

Развернул стаю, чтобы отрезать погоню.

Мешает черная повязка на глазах. И хотя остальные чувства еще не разу не подводили, постыдный инстинкт самосохранения помимо воли сдерживает бег. Лобастый уже отозвался радостным воем.

Между деревьями мечутся тени. Уже звенят, сталкиваясь, мечи.

Не успели! А все его проклятая осторожность.

Оттолкнулся от земли, прыгнул и сразу грудью...

Сбил с ног и, не задерживаясь, сразу рванул клыками следующего. Хрустнула рука. Вперед. Только вперед! Снова грудью.

Войтик... Веселин, эльф, Купава! Где Толян? Жив. Облепили, как мураши Толяна.

Слава богу!

Снова прыжок... через голову. И мечи из ножен!

Несколькими ударами расчистил место вокруг себя. Войтик махнул мечами перед собой. Они уже рядом. Орки наползают со всех сторон. Откуда их столько?

«Глупый вопрос. Глупей может быть только ответ. Который на твоей груди».

– Спасибо. Без тебя бы не допер.

– Войтик! Режем клином и уходим. Я впереди...

И ринулся в гущу орков. Мечи уже не свистели, визжали, сметая все на своем пути.

Казалось, не человек, демон бушует, щедро заливая землю орочьей кровью. То исчезал, растворяясь в блеске мечей, то появлялся вновь. А мечи жили своей буйной жизнью. Сами разят, разбивая вдребезги щиты и латы, сами атакуют, безошибочно выбирая жертву.

А в спину орков атаковала стая. Жадно и безжалостно.

Еще взмах...

– Войтик, не увлекайся.

– Да не увлекаюсь я, – огрызнулся Войтик. – Они сами на меня, как блохи насакакивают.

– Страхни...

Молодец Веселин. Юность не кружит голову. Дерется рассудочно, как опытный боец. Почему как? Успевает еще и Купаву опекать. Но она и сама себя в обиду не дает. Берет хитростью. Вынырнула из-под руки Войтика и мечом под панцирь. А другим под колено.

И не краснеет. В глазах не капли жалости. И трепетная ручка не дрогнула.

Бодрен спокоен. Рационалист! А как иначе? Поживи с его! Повоевал на своем веку. Или тысячелетии?

А мечи поют кровавую песню.

– Броском! На удар стрелы!

И рванулся вперед.

Но уже на втором шаге чудовищной силы удар в голову едва не опрокинул его на спину. Мечи выпали из рук. Рядом с диким ревом рухнул Войтик, без звука упала Купава. Веселин на коленях, раскачиваясь из стороны в сторону, стиснул голову руками. И только принц, бледнее обычного, на подрагивающих ногах, прикрывал их своими мечами.

Впереди неподвижные черные тени.

– Боевые маги! – Стас, наконец, нашел нужное слово. – Если бы хватили мечом по непокрытой голове, до грудины распахали.

Вскинул руки, словно пытаясь закрыть голову от нового удара. Мозг раздирала боль. В черепной коробке, пожирая мозг, бесновался и бушевал огонь.

Хлестнули к нему тонкие огненные жгуты. Зашипели, выжигая воздух. Плазма? Нет времени на ученые изыскания. Потом разберемся. Врезались в его раскрытые ладони. И разлетелись яркими мириадами огненных дробин.

А внутри разгорался пожар. Бился и рвался наружу.

Обожженная почерневшая рука рванула с глаз повязку. И огонь нашел выход. Раскалил докрасна невидящие глаза. Выплеснулся и, загудев от восторга, рванулся вперед, одним прыжком убежав вперед на десятки метров.

«Закрой, закрой глаза, иначе Великий огонь вырвется на свободу. И тогда...»

А пламя прыгало с дерева на дерево, порхало по их вершинам, трещало и пело, пожирая лес.

Без криков и стонов исчезали в огне орки, сгорая без остатка. Растаяли черные тени.

Глубоко вздохнул, пытаясь унять боль, закрыл глаза и натянул повязку.

– Хорош ночевать, лежебоки, – проворчал он. – Царство небесное проспите.

Какое там ночевать! Скрылись под горами орочьих тел. Показалось, что слышит, как трещат их кости. Взмахнул мечами, расшвыривая мертвые и живые тела. Из кучи, как медведь, выдрался Войтик. Рыча и ругаясь, принялся разгребать груды. Показалась круглая голова Толяна с дико вытаращенными глазами. Подгребая орков под себя, утвердился на ногах. Пошагивал в куче руками и вытянул за ногу Купаву. Веселин выбрался сам. Все вместе кинулись выручать эльфа.

У стаи на эмоции ни сил, ни времени не оставалось. Драли врага молча.

– Рубить! Всех!

– Сгорим, командир, – попытался возразить Войтик.

– Иначе не оторваться, – скупое пояснил он разведчику. И ударил мечами по копошащейся массе.

Взвинтил темп и пропал из виду.

Только огненные всполохи играли на кончиках мечей да валялись на землю изрубленные, изуродованные тела.

– Здорово они его достали, – прошептал Толян. – Пластуху устроил, пальчики оближешь. Фарш настрогал.

Покосился, досадливо поморщился и кинул мечи за спину.

– Они будут ждать нас в предгорьях. И здесь нам не пройти. Нашумели. По-тихому войти не удалось. Чтобы чисто и светло.

– Да, постучал ты крепко. От души кулаком грохнул. Двери вместе с косяками вынес, – криво улыбнулся Войтик. – Ломанулись на твой стук, как лоси. Думал, все рога себе посшибают.

– Так посшибали же. Уходим, а то скоро шерсть задымится. От Войтика уже паленым несет, – Веселин подергал носом. – Или от Толяна.

Стас повернул лицо к огню.

Даже через повязку показалось, что видит, как полыхает лес, как трещит злобное пламя, пожирая вековые деревья.

– Зря я взял вас, ребята, – С сожалением произнес он. – Мне бы еще там, на берегу, сообразить надо было, что ждать будут. Так нет же...

– Фильтруй базар, командир. Мы тебе не как-нибудь, а братья, – Толян от возмущения забыл про субординацию. – И не лохи, а реальные пацаны. Знаем, на что идем.

– И правда, Слав, – тихо сказал Бодрен, касаясь его плеча. – Можем и обидеться.

– Верняк, командир, – ухнул Войтик, заслоняясь ладонью от обжигающего жара. – Побежали. Веселину пятки припекает. И Купава реснички опалила. А кому она нужна без ресниц? Красота не та будет.

Стас снова вздохнул.

Вскинул голову, расправил плечи. И всем почудилось, что как прежде сверкнули его глаза под повязкой, загорелись упрямым огнем.

– Толян!

Парень вытянулся в струнку.

– За базар ответишь!

– Упал-отжался? – покладисто согласился он.

– Там посмотрим.

Толян приуныл, но, что-то сообразив, взбодрился. Когда это самое «там» еще будет!

– Я же по-свойски, командир, как земляк земляку. И как брат. Не по службе. Устав помню, – на всякий случай все-таки попробовал оправдаться. – На раз просекаю. А может, «упал-отжался»?

Бежит рядом, бухтит в ухо. В голосе не страха, не сожаления.

– Да у меня от твоего базара сразу тыква циркулем поехала. Во, как загрызло! Обидно же, в натуре. Принца и то достало. Правда, Бодри?

– Толян, отлепись, – огрызнулся Стас. – Проехали.

– А «упал-отжался»?

– Амнистия...

– Не фиг себе!

Толян вины за собой не чувствовал и в реабилитации не нуждался. Но на всякий случай отстал и пристроился к Войтику, пытаясь что-то доказать ему обиженным шепотом.

Бежали вдоль фронта огня, высматривая щель, которая позволила бы нырнуть на ту сторону.

– Погорячился ты, Слав.

– Так вышло, – неохотно согласился Стас. И запоздало спохватился. – Думать было некогда. Сам же видел. Раненые есть?

– Мало-мало... – откликнулся Войтик. – Терпимо.

Стая давно ушла вперед, и Стас время от времени прислушивался в надежде услышать призыв старого вожака.

Изредка поворачивал голову в сторону Купавы. По привычке, чисто символически. Ободряюще кивал головой, совсем не надеясь, что девушке от этого станет легче.

Казалось, еще немного и кожа на лицах начнет лопаться, не выдержав жара. Дышать практически нечем. Горячий воздух обжигает легкие.

Но никто не жалуется.

– Вообще, конкретно спичку бросил, командир, – прохрипел Толян, ни к кому не обращаясь, с трудом шевеля потрескавшимися и кровоточащими губами.

– И не холодно, – Войтик посчитал, что ему промолчать было бы неприлично. Стас остановился.

– Смочите тряпки водой и забинтуйте лица, – решил он, – попробуем проскочить. И, не дожидаясь, нырнул в огонь.

Бежали по горящей траве. Из-под ног разлетались мириады искр. От огня не спасала даже двойная Войтикова подошва. Толян прыгал козлом. Войтик летел вперед немыслимыми прыжками. Веселин, стиснув зубы, смахивал обожженными руками сажу и пот с лица. Купава терпела и старалась не отстать.

– Скоро выскочим, – шепнул он ей.

Купава свела бровки к переносице. Но не ответила. Сама напросилась. Не смеет жаловаться.

И только принц Бодрен словно парил над землей, едва касаясь носками своих ладных сапожек горячей земли.

– Я понимаю, добрый принц, что для тебя это не просто лес, но что было делать?

Принц, не ответив, кивнул головой.

Горящий лес остался позади. Можно было бы перевести дыхание. Но лучше убежать подальше.

Не останавливаясь, сложил ладони рупором и, запрокинув голову, завыл протяжно и длинно, в надежде, что его призыв услышит стая.

Прислушался.

Еле слышный, долетел ответ.

Далеко ушла стая. Догонят.

Толян снова ожил.

– Командир, не въезжаю. На фига нам это доставалово? Прямо у хаты мочить начали. Такой напруг получился. Найти бы того понтяру, который их на нас толкает и волюну в зубы!

Толян от пережитого человеческий язык позабыл.

– Кто?

– Ну, не я же? Даже не вспотел... Так борзеют же. И вообще, беспредел. Внаглую окучивают.

– Обидно? Зубы жалко?

– Чьи?

– Тебе лучше знать. Мои на месте.

– Ни фига себе. Мои, что ли?

Отвечать не стал. Обернулся на бегу. На губах появилась насмешливая наглая улыбка.

– Кончай тереть, Толян. Домой захотел? Так и скажи.

– Кто? Я, что ли? Войтик, догнал?

– Я и не отставал.

Судя по всему, Войтику было не до Толяновых проблем.

За все время от берега десятка слов не проронил обычно словоохотливый разведчик.

– Тормозишь?

В технической терминологии друг Войтик временами еще путался, а потому принципиальный вопрос оставил без ответа.

И Толян с конкретного базара перешел на цивилизованную речь.

– Командир, прошу уточнить.

– А у самого головы за плечами нет?

– Могу и обидеться.

– Дыши носом, дыханье собьешь...

– Прикалываешься? Уходишь от прямого ответа?

Похоже было, от обиды Толян забыл, что он реальный пацан.

– И какой ответ тебе нужен?

Толян затих, мучительно припоминая предмет своего разговора.

У Стаса появилась возможность задуматься. Но ненадолго. Справа появился Бодрен.

– Слав, может, есть смысл закрыться заклинанием?

– Не поможет, – односложно ответил Стас.

– Но почему? Помогало же прежде.

– Иногда. Бодрен. Если я их вижу, почему они не могут видеть нас?

– И все же...

– Братец принц, прежде мы имели дело с рабочими магами. Из них многие даже мечи не все носили. Их дело – стеречь зеленые насаждения. Зачем им мечи? А сейчас против нас бросили боевых магов. А эти ребята покруче. И с каждым разом их боевая мощь будет усиливаться. Я так думаю. Впрочем, если я ошибаюсь, возражай...

Принц с возражениями торопиться не стал.

– Они видят тебя, командир?

– А разве не так? Я, кажется, уже говорил об этом.

– Так с чего бы им тогда к нам цепляться?

– А вы им случайно под руку попались. Ну, и не пропадать же добру? По принципу: бог увидит, лучше даст.

– Кого даст? – полюбопытствовал Толян, оставивший свои размышления.

– Так и я про то же. Где им других искать?

– И все же, командир, я так и не понял, кто домой собрался?

– А разве не ты?

– Типа, я кто?

– Слава богу, речь вернулась. Тогда, если не ты, спроси Войтика. У него тоже лицо умное.

Думает... что думает!

Но Войтик намека не заметил. Замедлил шаг и всмотрелся в горы.

Толян, приотстав, подождал друга.

– Братуха, тебе зачем домой надо?

Войтик не расслышал его вопроса.

Оторвал взгляд от синеющих вдали гор и, глядя мимо Толяна, задумчиво проговорил:

– А я на их месте не стал бы нас трогать. Пропустил бы до самого порога, а там и... – огромные ладони сомкнулись и послышался хруст.

– Доходчиво. Дальше не продолжай. Но слишком просто. Пропусти таких ребят, как мы, а они – шасть, и в горы.

– Конкретно...

Остановились, чтобы перевести дух.

– Может, и так...

– Ну, нет, – решительно возразил эльф. – Они прекрасно понимают, с кем имеют дело. И будут гнать от засады к засаде. Я так думаю. Пока не раздавят.

– Заяву конкретную кинули.

Стас поморщился.

– Точку возврата прошли. Обратного не выпустят. Играем почти на равных. Они видят нас, мы видим их. Численное превосходство в расчет можно не принимать. Главное – захватить инициативу.

– Точняк!

– Пропустят – хорошо. Нет – вольному воля. Им же хуже. Давно мы посуду не били. Нам бы только в горы прорваться. – Повернулся к Купаве, притянул ее за плечи к груди. – Устала, барышня?

Тронутая неожиданной заботой, девушка задорно улыбнулась.

– Не больше Веселина.

– А я так и вовсе не устал! – обиделся парень, покраснев от возмущения. – Мы с Войтиком еще и не так бегали.

– От орков, – съехидничала Купава.

– Так их больше было, – огрызнулся Веселин.

– Будто ты считать умеешь, – и Купава показала Веселину розовый язычок, чем развеселила даже всегда сдержанного эльфа.

– Войтик, скажи ей...

Войтик отмахнулся.

– Вот, дружище, до чего доводит умный вид. Был человек, как человек. А думать начал... Кисейная барышня! Войтик у тебя же имидж сурового воина и грозного бойца!

Войтик издал звук, выражающий крайнее возмущение. Судя по всему, он и не думал сдаваться.

– А нельзя ли с ними, как с доргами? Размазать их. Или огня подпустить. А лучше и то, и другое. И побольше.

Толян заинтересованно прислушался. Идея Войтика пришлась ему по душе.

– Дружище Войтик, я понимаю, что тебе, как следует врезали по, как бы помягче выразиться...

– Чего уж там! Говори прямо... по морде.

– Вот именно. По ней самой. После чего ты сразу начал задумываться, хотя на самом деле перестал это делать вовсе. Там же люди. Дети, женщины, старики.

– Орки. Там орки! И никого больше, – Войтик был категоричен, как никогда. И с доводами Стаса соглашаться не хотел.

– Пусть орки. Которых подталкивают в спину. А нам это совсем не нужно. Зачем нам война, победа в которой маловероятна?

– Ну уж, – Войтик презрительно сплюнул под одобрительные взгляды друзей. – Орки же.

– Да нет, Войтик. Маловероятна. Их в десятки раз больше. И они злы на весь мир. Или на все миры. И вооружены они лучше нас.

С этими доводами Войтик был согласен.

– Но, если даже удача будет на нашей стороне, война окажется затяжной. А для нас это смерти подобно. Сколько останется после такой войны? А Волчок? А волчий род? Славия? Я видел их селения. Я знаю, как они живут. И удерживали их от вторжения на наши земли только темные эльфы своим камнем. Вот этим...

Стас распахнул волчовку и коснулся рукой амулета.

– Так отдать, и все дела. Пусть подавятся.

– Нет, друзья. Камень не принесет им удачи. Он практически утратил свою силу. Причем, по доброй воле. Но они-то этого не знают.

– И прут рогом.

– Не думаю, что камень эльфов достался бы оркам.

– Я тоже так думаю. А поэтому, важнее устранить причину. Толян, ты помнишь, Серд нам говорил, что с орками какое-то время даже торговлишка велась?

Толян нырнул с головой в глубины своей памяти.

– Вот и мне захотелось договориться с орками без войны. К тому же, ребятки, завелась у меня дурацкая привычка видеть вас около себя живыми и здоровыми. И приятно веселыми. Что поделаешь? Человек не без изъянов. Все понял, Войтик? Или, как говорит твой друг Толян, просек?

– Ты думаешь, командир...

– Вот с этого и надо было начинать. А ты, Войтик, забыл совсем наш давний уговор.

Войтик вскинул голову и удивленно крикнул.

– Какой такой уговор?

– А такой, что я буду думать, а ты делать. Ведь так проще?

Войтик ошарашено закрутил головой.

– Проще...

– Так в чем же дело? Выбрось всю эту дурь из своей головы, пока не разболелась.

– Вот так сразу?

– А зачем медлить? И в головной дозор. С Веселином. Но не увлекайся. Уходи вперед не далее двух-трех верст, иначе отскочить не успеешь. Задача ясная?

Войтик кивнул головой. Но было заметно, что размышления просто так его голову покидать не желали.

– Ты все еще здесь? – Стас сделал удивленный вид. – Одно из двух. Или меч, или поварешка.

Войтик вздрогнул, со страхом по давней привычке попытался заглянуть в его глаза, надеясь угадать, насколько серьезны его намерения. Но взгляд уткнулся в черную повязку. И Войтик сорвался с места.

Стас прислушался к звуку удаляющихся шагов.

– Ломит, как лось! – с осуждением проговорил он. – Вот к чему приводит такая недопустимая в армии роскошь, как избыток свободного времени. Толян, не учись у своего друга плохому. Был справный боец, теперь тоска зеленая.

Но Толян и сам давно, по крайней мере, со вчерашнего вечера, грешил этой подлой и трудно излечимой болезнью... А поэтому не обратил на этот полезный совет ни малейшего внимания.

– Командир, если от камня бесполезняк, так и отдать его к лешевой матери. Пусть радуются. Или выбрось...

– Нельзя, Толян. Я же уже сказал. А кроме того, хорошего человека можно обидеть. Да и наши друзья, светлые эльфы, поймут неправильно. Реликвия! Просек? И кто тебя тогда колбасой радовать будет?

И для убедительности поднял руку с вытянутым указательным пальцем вверх.

– В принципе, да.

С последним доводом Толяну трудно было не согласиться.

– Если в принципе, тогда рад за тебя. И вообще. Бери пример с Купавы. Идет себе спокойно. Природой наслаждается. Цветочками любит. Удовольствие получает. С вопросами не лезет.

Толян отстал и какое-то время бежал замыкающим.

– Бодрен, а ты чем так озабочен?

– Мне кажется, что в дозор лучше было мне идти. Застигнут Войтика врасплох, а мы не успеем.

Стас скупно улыбнулся.

– Впереди все чисто. А Войтику прогуляться не вредно. А то все думает, думает... А ему ум на лице, как на корове седло. Аж противно. Вот так хорошие люди и пропадают. Раз... и нет бойца. Толян!

– Вперед без страха и сомнения.

– Прямая дорога не всегда самая короткая, а длинный путь не всегда самый долгий. Так мы и пойдем, заглядывая в окна. Разве тебе не любопытно посмотреть, как здесь люди живут, мой добрый друг? – повернулся к эльфу и, не дождавшись ответа, удивленно пожал плечами. – Нет? Странно. А я, страсть, до чего любопытный. Сплошная жуть! И с чего бы? Сам не знаю. Хлебом не корми, дай в окно заглянуть. Может, драли в детстве мало?

Стас покачал головой и повернулся к принцу.

– Может, ты знаешь?

Эльф уже давно оставил всякие попытки распознать в его ироничном голосе, когда вождь говорит серьезно, а когда шутит. Вот и на этот раз вместо ответа он только дернул плечами.

– Тоже верно! – охотно согласился Стас. – А почему брат у тебя Дель... а ты просто... без всяких Дель?

– Я тоже Дель... Бодрен. Без приставки короче.

– Ну да. Если так, тогда конечно.

Глава 5

«Зачем искать лучшее, когда навалом хорошего»? – решил Стас.

И повел отряд так, как это делал Войтик. Облизывая огороды. Параллельно линии гор. Иногда подходил к ним поближе, иногда удалялся от них. Но всегда вблизи селений. Словно и впрямь пытался заглянуть в окна. Даже на привал останавливался чуть ли не рядом с изгородями, чем заставлял учащенно биться сердце даже у не знающего страха Войтика.

Заметив, как беспокойно оглянулся Веселин, рассеянно успокоил:

– Веселин, мальчик мой, этим ребятам сейчас не до тебя. Они нас ищут. Там... – кивнул головой за спину. – Или там! А мы здесь. Пару дней еще можно жить спокойно.

– А горы? – встрепенулся Толян.

– Да плюнь ты на них. Они до тебя стояли и после тебя стоять будут. Горы, они, Веселин, только издалека на горы похожи. Поверь знающему человеку. Насмотрелся на это добро. К тому же, там и на кулак можно нарваться. А я человек, сам знаешь, тихий, застенчивый. И к мордобою, в отличие от Войтика, отношусь сугубо отрицательно. И даже с отвращением.

Толян раскрыл рот от удивления, повернулся к Войтику и выразительно покрутил у виска указательным пальцем.

– Хана! Чердак контузией снесло.

Войтик промолчал, но по его лицу было видно, что он вполне солидарен с мнением друга.

Стас, словно не замечая их изумленных физиономий, продолжал все с теми же ностальгическими нотками в голосе.

– С удочкой посидеть не удалось, так может грибочками удастся побаловаться? Бодрен, ты как к тушеным грибам относишься?

Эльф тоже был сбит с толку и вместо ответа промычал нечто нечленораздельное и мало-вразумительное.

– Я так и думал, – обрадовался Стас. – Эх, жаль картошечки нет. Но грибы такая вещь, что Купава и без картошки не сумеет их испортить. И Войтик не позволит.

Всем стало ясно, что вождь не шутит.

– Командир, ты и в самом деле намылился за грибами? Или лапшу вешаешь на уши?

– Толян! – в голосе обида и укоризна. – Вождю не верить?

– Я похож на больного? – на круглом лице Толяна скептическая ухмылка. – Ты на голой попе кого угодно объедешь. За грибами собрался, а корзинки нет.

Весомей довода у Толяна не нашлось.

– Толян, – Толяну показалось, что вождь хитро прищурил глаз, – а ты не со мной ли собрался? Тоже грибы любишь?

Толян, никак не ожидавший подвоха, опешил, захлопал глазами и закрутил головой в поисках поддержки.

– Я?

– Войтик не просится, Веселин уже третий сон видит, принц в грибах ни уха, ни рыла не понимает... Но учти, долго ждать не буду.

Толян поскреб могучий загривок. На глаза ему попался сладко спящий Веселин...

– Да нет, командир. Я же о другом подумал. А если так, то конечно. Кто тебя держит?

И Стас быстренько пропал из виду.

Войтик с хрустом потянулся и повернулся к Толяну.

– Объехал он тебя, братишка, опять на ней... на той самой. На голой!

– Типа, я опять лопухнулся?

– А вот тебе и типа. Объехал и был таков. А ты скреби затылок. Ты хотя бы поганку под ногами видел?

Толян на какое-то время онемел.

– Надо было соглашаться!

– Вождь еще что-нибудь бы придумал. Или ты не знаешь, что он ввернет и вывернет? У него на каждый чих новая затычка.

– А куда он пошел?

Догони и спроси... – это таинственно подсказал Бодрен. – Толян, пора уж привыкнуть к этому. Лучше отдыхай. Скоро выходить.

Толян обиженно всхрипнул и забрался под куст. Даже полученная из рук Веселина, который не спал, а только прикидывался, пайка не вернула ему обычно ровное расположение духа.

Но сердиться долго он не умел. К тому же, на его законную лепешку попытаться наглый рыжий муравей. Иначе, зачем бы он вскарабкался на нее? А поэтому он, решив, что еще успеет все припомнить командиру, вгрызся в ее каменно-твердый край.

Едва успел задремать, появился Стас.

– Ну, и как грибочки? – Толян открыл глаза и приподнял голову.

– Напрасно только ноги бил. Надо было послушаться тебя. Все червивые! Так и копошатся. Фу, мерзость какая! – Стас брезгливо передернул плечами. – Не пойду больше. Хорошо, что корзины под рукой не оказалось. Опозорился бы перед людьми. Зря ты меня не отговорил. Надо было убедить.

– Кто? Я? Развел меня, как последнего лоха, и я же виноват, – в Толяне снова заговорила прежняя обида.

– А кто? Войтик на меня все еще сердится. Купаве лишь бы с ужином не возиться. Принц в грибах, как волк в морковке. Остаешься только ты. Я правильно рассуждаю?

– Ну... – неохотно согласился сбитый с толку Толян и с подозрением спросил. – Опять разводишь?

– Чтобы я? Тебя? Обижаешь. Своего лучшего друга и побратима? К тому же, земляка? Да никогда! Ты мне веришь?

Такой искренности было трудно не поверить, но обида не проходила, и он уже выцарапывал из памяти самые обидные слова.

Но Стас оказался быстрее.

– Толян, переодеться не желаешь? Только не ори от радости. Орков разбудишь. Они тут по соседству от нас стоят. Прикид уматный!

– Мне и в волчовке нештук.

Судя по всему, обида засела в его необъятной душе накрепко.

– И все-таки, переодеться надо, – как ребенка уговаривал его Стас. – На оборвышей похожи. В люди показаться с вами стыдно. Как раз ваш размерчик. По случаю добыл. А то переживать начну, спать не буду.

Толян был обескуражен. Не больше его понимали и остальные.

– Только не благодари. От чистого сердца подарок. Что для друга не сделаешь? А ты же мне не просто друг? Или я ошибаюсь?

– Нет...

– Тогда почему стоим? Встали и метнулись! В кусты! И переодеваться. Страсть, как хочется посмотреть на вас в новом прикиде. Принц Бодрен, помоги ребятам. Вместе с Веселином. А то отстали от моды, люди шарахаться начали от волчовок.

– Где ты их видел? – проворчал Толян.

– Рядом, рядом, мой друг.

Стас и Купава остались одни.

– Отдохнула, барышня? Глазки припухли, осунулась. Говорил, сиди дома, береги красоту, вдруг пригодится. Так нет же, увязалась, – проворчал он. – Надо было побить! В следующий раз так и сделаю.

Купава прижалась к его плечу и облегченно вздохнула.

– Я умру, дожидаясь тебя, мой вождь.

– Дудки! У меня на эти глупости времени нет. Придется тебе, милая, пожить еще малую толику.

Прислушался к не совсем приличным восклицаниям в кустах.

– Процесс пошел! – с удовлетворением определил он. – Войтик, убавь звук. Купава смущается.

– Потерпит, – сердито проворчал Войтик в ответ. – Она и не такое слышала.

– Вот и делай после этого для людей хорошее, – пожаловался Стас. – Мне с таким трудом удалось уговорить ребят уступить одежду, а ты недоволен. Знал бы, не старался.

В голосе сквозила явная обида.

– Вот, Толян, другое дело. Земляк. А я еще двух лошадок для вас сторговал. Покладистые ребята оказались. Уступили даром.

– Оно и видно, что покладистые. Сколько поклат, пока торговался? – Войтик, а следом за ним Толян, выбрались из кустов, гремя сияющими вороненьем орочьими латами. – Вместе сдохлыми притащил.

– Не знал, что ты такой привереда, Войтик. Я старался для тебя, рук не жалел, а до сих пор доброго слова не слышал. Как тебе, Купава? – со счастливым видом повернулся к подруге. – Уматный прикид. Клевые пацаны!

– Издеваешься?

– В натуре, Толян! Зуб даю, – ноготь оттопыренного большого пальца чиркнул по зубам. Железное правило. Главное, наращивать темп. – Во, век воли не видать. Ты мне веришь?

Как было не поверить в искренность его намерений? И Толян поверил.

– А что? Мне нравится. Реальные орки. Милые ребята. Если на пустой дороге не встречаться... А в седло взгромоздить, так хоть бессмертные полотна с вас пиши. У Веселина аж слюнки бегут. Волчовки явно проигрывали. И на Толяне костюмчик, как влитой, сидит. Словно на него шили. Правда, Бодрен? Пиджачок в плечах не теснит? Надо будет и нам с тобой обзавестись. А то у всех есть, а у нас нет. Непорядок. Ты как-никак принц, я тоже не последний человек на деревне. А вырядились! Как гопота. Тьфу ты, господи! – Стас с отвращением сплюнул и отвернулся.

Всем стало ясно видно, что он расстроен.

И Толян его поспешил успокоить.

– Забери мой, командир. Я и в волчовке прохожу.

Стас призадумался, растроганный предложением Толяна.

– Нет уж, носи сам. Подарки назад забирать – дурной тон. А я человек воспитанный. – И снова повернулся к эльфу. – А уж как обидно нам будет с тобой, мой милый принц, когда потащимся за хвостами лошадей этих гордых рыцарей. Ну, и Купаве тоже. Куда же я без нее?

Толяна обожгла противная мысль. Он быстро повернулся к Войтику, но тот уже и сам догадался, что к чему.

– Он опять нас развел, Толян.

Бодрен залиvisto засмеялся. Скромно пискнула в кулачок Купава.

– Зато не скучно.

И снова засмеялся.

– Заценил прикид, Войтик? Под мышками не жмет? – заботливо спросил Стас, поворачивая к нему голову. – А у тебя как, Толян? В самой поре? В гультфике не давит? Ах, да! Слово это новое и в здешних краях еще прописку не получило. Проще говоря, в ширинке. Или в проймах? Совсем запутался. Давно в ателье заходить не приходилось. Думаю, что согласятся обменять. Ты скажи, не стесняйся.

Толян поднял на него хмурый взгляд.

– Как я в таком прикиде в кусты буду бегать?

Но Стас уже потерял интерес к переодеванию.

– Серый ты человек, Толян. Как все, ногами, – рассеянно ответил он.

– Так ширинки же нет. Пока шнурки развязываешь, не только... но и...

Купава густо покраснела.

– Это дело пятое. Игнорируй. Не обращай внимания. Приспичит, сообразишь. На худой конец, через щели выбежит. Вон их сколько. Наверное, с изъязном подсунули.

– А если не худой?

– Конеч?

– Случай...

– Ох, и зануда ты, Толян. Знал бы, Веселину подарил, – Стас обиделся и надолго замолчал.

Войтик с Толяном, ворочаясь в железе, с ненавистью разглядывали бронированный наряд.

– Войтик, а если под пиджак муравей заползет или другая сволочь, как я поцарапаюсь? – в глазах ужас, голос дрожит... – Он же, паразит, если до смерти не закусает, так защекочет.

– Чтобы тебя оглодать, жизни не хватит... – хмуро отозвался Войтик. – Вождя попроси. Он поскребет.

Стоят, как два железных монумента, терпеливо ждут своей участи.

– Войтик, изобрази Темного... И ты, Толян. Орки в вас родню все равно не признают. Мовы не разумеете.

Войтик поднатужился и вылупил глаза. Толян, как мог, наморщил лоб.

– Может и поверят, – неуверенно протянул он. – Хотя высоким искусством перевоплощения здесь и не пахнет. А не поверят, им же хуже. Бодри, а ты как считаешь?

– Командир, зачем нам вся эта ботва? – осторожно заикнулся Толян, не давая ответить принцу. – Или можно переодеваться?

– Ни в коем разе! – Стас встрепенулся и в испуге поднял руки вверх. – Спешить надо. Отстаем от графика. А так, как идем, до кошкиного говенья не поспеем. Поволокете нас к горам, как коров на веревочке.

– А если остановят?

– Вы же темные. Можете для пущей важности штук пять орков в помощь взять.

– Зачем?

– Для убедительности. Когда надо будет, отстанут...

– А если не захотят?

– Убедите. Доводы у вас веские. В латных рукавицах не помещаются. Я бы и сам охотно поверил, когда бы показали такие доводы.

Кажется в их мозгах наступило просветление.

– Рискованно, Слав, – прошептал эльф.

– Кто не рискует, тот не пьет шампанского. Правда, Толян? – на лице появилась довольная улыбка.

– Шампусика за жабры плеснуть – святое дело. Кайф! – мечтательно припомнил Толян. – Особенно с похмела. У меня такое было. Хлоп, и как огурчик! Можно и из горла. Сработает быстрее.

– Толян, не расслабляй коллектив аморальными воспоминаниями из своего темного криминального прошлого, – цинично прервал его восклицания Стас. – С диспозицией определились, тогда вперед!

– И с песней?

– Песню отставить. Неправильно поймут.

Толян глубоко задумался, о чем можно было догадаться по тугой складке на лбу и остановившемуся взгляду. Потом взгляд приобрел обычное выражение, и он повернулся к эльфу.

– А может, колданешь, Бодри? Ты же эльф. А не какой-то там... Не кот чихнул. – Покрутил рукой над головой в поисках подходящего определения и, решив, что и так все ясней ясного, с надеждой повторил. – Колданешь?

Эльф виновато потупил взгляд.

– Извини, побратим. Не получится. В том мире, может, и получилось бы, хотя эльфы почти утратили свои магические способности вместе с заклинаниями. Эльфийский плащ, способность залечивать раны да несколько простеньких заклинаний – вот все, что осталось у меня от прошлой жизни. Но здесь даже пытаться не буду.

И театрализованное представление началось.

– А не поторопились мы, Слав?

– Самое время. Селения стоят так близко, что камнем добросить можно. Удача рано или поздно все равно бы изменила нам. Она бабенка своенравная, капризная. Полагаться на нее нельзя. Приходилось не раз сталкиваться на тесных жизненных дорожках. Зажмут, и мокрого места не останется. Нам бы еще пару суток продержаться, а там...

На лице появилось благодное выражение.

Через первое селение прошли без приключений.

– Ничего не изменилось! – пробормотал эльф, глядя на низкие, сложенные из камня и беспорядочно разбросанные жилища в окружении крохотных огородов.

– А что, по твоему, должно было измениться? Менталитет! Это тебе не кот чихнул. К тому же, изолированная от чуждого влияния среда. Живут, как предки жили. Братец твой попробовал изменить железную поступь истории и получил по мордасам.

Принц поморщился.

– Прости. Не хотел обидеть. Мерзкая привычка прятаться за цинизмом. Иногда помогает выжить. Тоже менталитет, – он виновато пожал плечами. – А что мы все о грустном, да о грустном? Может, тему сменим?

Просвистело вдогонку несколько камней.

– Перелет, недолет...

И, раненый в руку, Чапаев плывет, – дурашливо пропел Стас.

– Начало неплохое, если не считать пары синяков.

– Мужчин практически нет. В огородах женщины и дети. На наше счастье.

– А они, эти самые мужчины, как и положено, заняты чисто мужским делом. Карты, девки и по мордам... Если повезет, увидим.

Еще несколько селений Войтик, движимый благим чувством самосохранения, умудрился обойти стороной.

Но уже далеко за полдень после долгих раздумий, сопровождаемых тяжкими вздохами и набором редких междометий, втащил свой отряд в большое село, зажатое между извилистой речушкой и косогорами.

Их необычный отряд сразу привлек внимание орочьей детворы.

«Мальцов нетрудно понять, – подумал Стас. – Сам в их возрасте маршировал вслед за солдатским ротами. А им живого эльфа показали. Диковинка!»

Что-то лопоча, полуголые и от рождения немые, сорванцы облепили их со всех сторон. Бежали рядом, повизгивая и приплясывая, указывая руками то на двух железных истуканов с опущенными забралами, то на их пленников.

Войтик, не принимая их в расчет, смотрел через прорези забрала по сторонам холодно и равнодушно, сжимая в руке длинное копьё.

– Кыш, мелочь пузатая! – пугнул юных экстремистов Толян, чем только подлил масла в огонь.

В пленников полетели камни и палки. В голову Стаса вцепилась репа. Несколько подарков угодили в Купаву. Но особенно щедро камни сыпались в эльфа.

К потехе вскоре присоединись старики. Высыпали из огородов женщины.

Войтик рассержено прохрипел и, раскрутив над головой копье, прошелся деревянным концом по спинам обидчиков. Эффект получился обратный. Камни полетели и в них.

Обиженно взревел Толян. Камень угодил в его железный шлем, точно между двух огромных рогов. И его копье завизжало над головой.

– Теплая встреча, – сохраняя самообладание, прошептал Стас и криво усмехнулся.

– Я бы даже сказал, горячая... – морщась от боли, ответил Бодрен.

– А что ты хочешь? Всеобщей любви и обожания? Посмотри, как живут. Зря, что ли Дельбар пытался осчастливить их? – вступился за орков Стас. – Такое убожество и во сне не привидится. Какой же встречи от них ожидать?

– Кто виноват? Лес рядом. Земли сколько угодно.

– Романтик! – хмыкнул Стас. – Зачем что-то строить, когда проще отнять у соседа. Я же говорю... менталитет!

Новый удар в спину чуть не бросил его на землю вниз лицом.

– Войтик, паразит, отыгрывается за маскарад. Одно успокаивает, далеко за село не побегут, – сквозь стиснутые зубы пробормотал он. – Хотя я тоже хорош! Набездобразничал. Пожар устроил. А с другой стороны, сами виноваты. Первые начали...

– Зато сам придумал.

– Тоже верно. Но я даже и предположить не мог, что в Войтике проявятся садистские наклонности, и он отдаст нас на растерзание толпы. Проглядел, каюсь...

За селом кони перешли на ровную гладкую рысь. И Стас умолк. Бежал, оставляя аркан чуть внатяг. Изредка поворачивал голову к Купаве.

– Устала, детка? Потерпи. Если все будет так, как задумал, до гор мухой долетим.

– Если Войтик не бросит нас толпе, – добавил Бодрен.

И все же задумка срабатывала безотказно.

Войтик и Толян исправно играли свою роль.

С каждым новым селением добавлялось синяков и шишек. Ночью валялись замертво. Но горы были рядом.

Войтик, распутывая узлы, стыдливо отводил глаза в сторону.

– Не журишь, козаче! – пытался успокоить его Стас. – Премьера прошла успешно. Актеры играли живо, вдохновенно. Публика приняла горячо и благосклонно. Можно сказать, на «ура». Наблюдался шквал аплодисментов, переходящих в бурную овацию. Все остальное, как-то синяки и шишки, спием на издержки профессии.

Толян отрывался от костра и в который уже раз предлагал.

– Может махнемся, командир?

– Не прокатит. Коней на переправе не меняют. Все мы люди приметные. Я – слепец, Бодрен – эльф, Купава... – Стас запнулся, подыскивая определение. – Купава – Купава и есть. В вас же с Войтиком не только изюминки нет, даже урюка не видно. Да, согласен, наш Веселин без сценического образа. Но ему твой костюмчик не подойдет.

На лице Толяна отразилось недоумение.

– И по высоте, и поперек себя, – пояснил Стас. – К тому же Веселин, как благородный человек, не бросит в беде своего друга и командира. Правда, Веселин?

Но Веселин, набегавшись за день, уже спал, привалившись к дереву.

– Молодость, молодость... – с тихой грустью прошептал Стас и повернулся к эльфу. – Да, брат эльф, были когда-то и мы рысачами. А сейчас только звук остался. И то чаще всего неприличный. Купава, не подслушивай, когда взрослые разговаривают! Жаль, придется разбудить.

– Зачем? Пусть спит, – пожалел парня принц.

– Все должно быть строго по сюжету. Как автор сценария и главный режиссер спектакля, вынужден настаивать, мой друг, на этом. Орки – зритель капризный. На раз халтуру расколют. А если к зрителям присоединятся капюшонники? Хорошо, если только тухлыми яйцами забросают. Хотя, и в этом тоже радости мало. Нет, перекусим, и на вязки. Искусство, особенно высокое, требует жертв.

– Слав, ты когда-нибудь говоришь серьезно?

– За кого вы меня, типа того, держите, милостивый государь? – Стас обиженно поджал губы. – Я вам не как-нибудь, а так оно и есть!

Наспех поужинали, и непривычно молчаливый Войтик, как всегда, сконфуженно улыбаясь, притянул, спеленав, арканом к дереву.

– Если что, одним ударом рассеку.

– Спасибо, отец родной, за ласку и заботу, – Стас одобрительно мотнул головой. – Век помнить буду.

Войтик поперхнулся.

– Ты же сам, вождь, про натуру говорил.

– Вяжи, вяжи... Опричник!

Клонило ко сну. Купава уронила голову на его плечо и сладко спала, не испытывая неудобств.

– Лобастый так и не появился, – пробормотал сквозь сон принц.

– Рядом. Что ему делать у костра? Ночь – самое время для охоты, – неохотно отозвался Стас. И показал пальцем на Толяна. – Замочим харю, как любят говорить братки этого младенца.

– Когда я так говорил?

– Я разве сказал, что ты?

Придаться было не к чему и Толян успокоился.

Стас снова задремал. Но эльфу в веревках в эту ночь уснуть не удавалось. Вздыхал, ворочался...

– Еще чуть-чуть придется потерпеть, – сквозь дремоту успокоил его Стас. – За это время втянемся в предгорья. А в зеленке нас не одна собака не найдет.

– Я о другом, Слав.

– Говори тише. Ребят разбудишь.

– Не пойму я, Слав, почему ты согласился принять камень от брата? Ты же знал, что в тайне это долго удержать не удастся.

– Снова здорова. Если бы не я, его мог подобрать кто угодно.

– Брат был так плох?

– Его практически не было. Призрак! Он и бокал с вином в руке держать не мог. Амулет в один прекрасный момент мог просто-напросто потерять его призрачную плоть и оказаться на полу... в лучшем случае.

– Несчастный брат! – вздохнул эльф. – Но почему...

– Почему вы на него повесили всех собак? А я нет?

– Допустим...

– Друг мой, вы жили в то счастливое время, когда мир был прост и ясен, как учебник арифметики. Вот враг, вот друг. А дважды два всегда четыре. И наше дело правое... Вышли два поединщика из строя, этикие добры молодцы Войтиковой наружности, поколотили друг друга, и дело в шляпе. В моем мире был даже князь, который недругу отправлял эпистолу. А в ней слова – «иду на вы» и ломил стеной. Не война, а праздник для души. Развлечение. А стоило столкнуться с кем-то похитрее и... фиаско. Из черепа же чарку сделали. Оковали золотом и на ночь винцо потягивали.

– Но ты же сумел найти того, кто прятался за спиной брата?

– Милый мой, я жил и воевал в другом мире и в другое время. И по другим законам. В которых нет места рыцарству. Где не воюют стенка на стенку. У меня другая война. Ее плохо видно. Но зато она по эффективности превосходит самые кровавые баталии. Время больших батальонов кончилось еще при том, кто это изрек.

– Касание смерти?

– Пусть так. Найди эту точку. И бей. Иногда достаточно просто легкого прикосновения. В такой войне нет героев, о которых пишут стихи, слагают легенды и поют песни. Но нет и крови. Или почти нет.

– И поэтому ты все делаешь сам?

– Это моя профессия. Тайная война. И потом, почему сам? Есть Леха, Войтик, Веселин, Толян, Хруст, Свист... Подрастают волчата. И ты, мой принц. Если позволишь так считать, – помолчал, дожидаясь ответа.

– Будь иначе, разве таскался бы я с тобой по лесам?

– Помнится, в моем мире были семилетние войны, тридцатилетние... Даже столетняя была. А я хочу, чтобы их не было. Я работаю, и, если хочешь, убиваю не для войны... Прости, дружище, заболтался.

– Жаль, что Забытая дорога не бросила тебя в наш мир, – после долгого молчания сказал принц. – Может, все бы иначе сложилось. И с братом...

– погоди, вот разгребусь немного с делами и рванем с тобой за высокие горы, за синие моря навестить твоего брата. Думаю, дождется. Отпуск мы заслужили или нет?

– Шутишь, вождь?

– Полно, Бодрен. Мы с тобой братья. Я или говорю, или не говорю...

– А если говорю, то делаю?

– Запомнил?

– Как не запомнить? По берегу тонким слоем размазал, как выразился Толян. Но я запомнил лучшее!

– И на том спасибо.

– Но почему мы не смогли отыскать эту точку?

– Специальность не та. Рыцарство! Хотя не уверен, что в вашем мире и у меня бы получилось. Спим?

– Но почему?

Стас долго не отвечал. Потом тяжело вздохнул и еле слышно проговорил:

– Это сложный вопрос, дружище. У вас оформившиеся и устоявшиеся формы правления. Чего пока нет здесь. Многоступенчатый чиновничий аппарат, через который наверняка не пробиться. А они чужаков не любят. И в свой круг не пускают. Гражданская и военная бюрократия. А эта братия в первую очередь работает на себя, реже на государство. И никогда на народ. Война для них бизнес. Прибыльное занятие. Сколько раз я попадал в зависимость от политической конъюнктуры! А политика не делается в белых перчатках. Кто думает о руках? И давали мне по этим рукам. И сдавали. И продавали!

Задумался, снова замолчав надолго.

Но эльф спать не собирался.

– Слав, ты думаешь все ответы на вопросы в этих горах?

– Спроси, что полегче...

– Значит, не все...

– Спи. Иначе сдохнем завтра. Не ломай голову, для этого лом есть, – процитировал он старшину Пискуна.

Щеки коснулся теплый шершавый язык.

– Вот и наш друг Лобастый нашелся. Привет, Старый! А то наш друг принц волноваться за тебя начал.

Волк, не отвечая, ловил зубами волосяной аркан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.